Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 228 (6104). | 19 августа 1934 г., воскресенье. | ЦЕНА 10 КОП.

Радостно отпразднованный день авиации показал, что оберегаемая непобедимым Красным воздушным флотом, выпестованным нашей партией и великим СТАЛИНЫМ, Советская страна может уверенно смотреть в будущее, какие бы испытания оно нам ни принесло.

Фактический перерыв переговоров в Токио.

Опубликованное вчера сообщение ТАСС по поводу переговоров в Токио о продаже КВЖД дает уничтожающий отпор срывщикам переговоров. В ответ на демонстративный от'езд манчжурской делегации из Токио, носящий явно провокационный характер, и опубликование японо-манчжурскими властями декларации советские органы сделали весь ход переговоров достоянием гласности.

В ходе переговоров СССР снизил свое требование с 625 млн иен (по курсу дня первого советского предложения), представляющих реальную стоимость дороги, до 160 млн иен. Японо-манчжурская же сторона, предложившая на первом этапе переговоров явно смехотворную сумму в 50 млн иен, увеличила ее впоследствии лишь до 120 млн иен. Нечего и говорить, что и эта сумма совершенно не соответствует подлинной стоимости дороги протяжением в 1.700 км, владеющей многообразными службами, сооружениями и богатейшими подсобными предприятиями.

Японо-манчжурские власти *пытаются* в своей декларации возложить на Советский Союз ответственность за фактический перерыв переговоров. Весь мир имеет теперь возможность судить, кто является истинным виновником этого перерыва, кто проявляет неуступчивость и агрессивность!

Захватчики пытаются осуществить свои беззаконные и опасные планы. И они глубоко ошибаются, если полагают, что им удастся обмануть кого-либо крикливыми декларациями или насквозь лицемерными газетными рассуждениями. Все эти декларации и рассуждения шиты белыми нитками демагогии и лжи; им может поверить только ребенок или круглый дурак.

Только на-днях мы разоблачили подоплеку новой крикливой антисоветской шумихи, поднятой в японо-манчжурской прессе с расчетом на подрыв переговоров о продаже КВЖД. Эта печать сыпала, как из рога изобилия, глупейшие басни о таинственных советских самолетах и вторжениях красноармейцев на манчжурскую территорию, пытаясь шантажировать советскую сторону. На основании прошлого опыта известно, что за каждым припадком антисоветской эпилепсии в японо-манчжурских газетах неизбежно следуют конкретные провокационные действия.

И действительно теперь началась целая цепь таких действий, угрожающих дальнейшему развитию токийских переговоров и добрососедскому разрешению вопроса о продаже КВЖД. Японские империалисты открыто делают ставку на насильственный захват дороги.

В первом ряду этих действий стоит от'езд из Токио манчжурского делегата японца **Охаси**. Оставление конференции одной из представленных на ней двух сторон неизбежно означает фактический перерыв переговоров. Именно к срыву переговоров любой ценой стремились крайне агрессивные японские круги, диктуя манчжурской стороне оставление токийской конференции.

Но как квалифицирует от'езд Охаси токийская пресса, блудливо твердящая о «неискренности» СССР? Позабыв свою обычную нервозность, она пытается на этот раз создать впечатление, что по существу ничего особенного не произошло. Официозное агентство **«Симбун ренго»** уверяет, что «не следует делать пессимистических выводов», что от'езд Охаси «не окажет серьезного влияния на состояние переговоров». Таковы же комментарии главнейших токийских газет.

К чему такая дезориентация?

Ведь то, чего, очевидно, в интересах «искренности», не договаривают токийские газеты, разбалтывает с присущей ей неуклюжей развязностью манчжурская пресса. Манчжурское агентство **«Кокуцу»** заявляет, что переговоры в Токио «сейчас вступили в финальную критическую фазу, грозящую неизбежностью разрыва».

«Неизбежность разрыва» — можно ли выразиться *яснее*? И как это непохоже на лицемерные уверения «Симбун ренго» о том, что **«не следует делать пессимистических выводов»**!

То же агентство «Кокуцу» в присущем ему нахальном стиле угрожает СССР «осложнениями» и сообщает, что Манчжоу-Го «решительно одним ударом разрешит все лежащие между СССР и Манчжоу-Го вопросы». Оголтелые авантюристы стараются как можно больше обострить положение, создавая все новые и новые провокации.

Вопли о «неизбежности разрыва» токийских переговоров, которыми манчжурская печать сопровождает от'езд Охаси из Токио, подтверждают как нельзя более ясно, что мы имеем дело с **фактическим перерывом переговоров, спровоцированным японской военщиной с целью подготовки насильственного захвата КВЖД.**

Беспочвенный и беспричинный арест 19 служащих КВЖД—советских граждан, совершенный под предлогом глупейшего и пошлейшего обвинения в «заговоре», воскрешает в памяти прошлогодний арест 6 работников КВЖД, вызвавший полугодовой перерыв в токийских переговорах. Резко участились бандитские налеты на *линию, совершаемые с ведома и по наущению* японо-манчжурских властей, а также бесчисленные преследования работников дороги и обслуживающих их нужды учреждений.

В ответ на протесты советской части правления КВЖД против этих безобразий *японо-манчжурские власти либо огульно* отрицают общеизвестные факты, либо сваливают ответственность за них с больной головы на здоровую. Лишенный чувства иронии и чувства меры **Адаци**—начальник военных сообщений штаба японской армии в **Манчжурии**—обвиняет в своем письме в устройстве диверсионных актов и в преследованиях работников КВЖД... самих работников КВЖД! Совершенно неслыханной наглостью веет от попыток японской печати, в частности газеты **«Ници-ници»**, обвинить советского консула в устройстве «заговора» и «систематическом руководстве бандитами». Поистине эти клеветнические измышления могут исходить только от бандитов пера!

В труднейших условиях, создаваемых японо-манчжурскими властями, работники КВЖД с беспримерным мужеством поддерживают сообщение на дороге, имеющей крупнейшее международное значение. Обвинять их в том, что они сами срывают свою же работу,—верх тупости и лицемерия. Именно такую оценку получили подобные нелепые обвинения в международной буржуазной печати.

Достаточно привести мнение английской **«Манчестер гардиен»**, заявляющей: «Японцам нелегко будет убедить мир, что советские железнодорожники хотят взорвать свое собственное имущество или рисковать своей жизнью в бессмысленных заговорах, когда ясно, что их собственное правительство хочет в первую очередь избежать осложнений на Востоке».

Мирные намерения советского правительства, стойкий героизм работников КВЖД давно уже получили должную оценку всех тех, кому дорого дело мира, точно так же, как и провокационный характер действий японских империалистических поджигателей войны.

Каковы, однако, мотивы, заставляющие руководящие японские газеты обманывать читателей и скрывать истинное положение вещей, возникшее на токийской конференции в результате провокационного от'езда Охаси в соединении с новыми бесчинствами и беззакониями на КВЖД? Ответ на этот вопрос отчасти дает передовая статья японской газеты **«Мияко»**, признающая, что **«СССР сделал большие уступки»**, и заявляющая: **«Ожидали, что в связи с этим последует конкретный результат, и очень печально, что кризис переговоров разразился именно в такой момент, когда ожидалось завершение переговоров».**

Вместо «конкретного результата» в виде законного приобретения КВЖД японо-манчжурской стороной возник новый фактический перерыв переговоров. И не случайно он возник именно в тот момент, когда даже дезинформированные официальной прессой широкие японские круги *ожидали* благополучного завершения переговоров. **Ведь крайне агрессивные круги Японии предпочитают законности — беззаконие, переговорам — авантюры, добрососедскому решению вопросов — насильственные и захватнические мероприятия.** Не ясно ли, почему эти поклонники «искренности» обманывают широкие массы Японии, скрывая от них фактический перерыв переговоров и пагубные результаты подобной провокационной политики?

Советская страна чувствует в себе достаточно мощи и силы, чтобы со спокойствием и хладнокровием, но в то же время с величайшей бдительностью следить за поджигательскими действиями врагов мира на Дальнем Востоке.

Тт. Каганович и А. М. Горький на Тушинском аэродроме во время авиационного праздника.

СТРАНА ПОДЫМАЕТ СВОИ САМОЛЕТЫ

Еще хлопочут у машин невозмутимые механики, выверяя моторы к полету, а радость уже завела главный мотор, и вскоре он гудит над полем, гудит наперекор сердитому, хмурому небу, наперекор ветрам, капризно-часто меняющим румбы, наперекор серо-синему свинцу градовых туч.

Гудит мотор, и даже самое чуткое ухо не уловит в нем перебоя. Потому что даже в этом, ни с чем не сравнимом двигателе—пятьдесят тысяч человеческих сил, и каждая из них чувствует свою слитность с остальными.

Гудит зеленое поле. За цветную завесу лозунгов, транспарантов, плакатов, диаграмм, портретов, лент и флажков тройным потоком проникают все новые и новые сотни машин, тысячи людей, и никому из них нет дела, что по небу ходят тучи, что вот-вот прольется оно, что хмурится в своей будке над синоптической сводкой метеоролог. Хмурится только он один, и то, так сказать, по долгу службы. Остальные веселы, возбуждены. Остальные прыгают с подножек автобусов и поездов, чтобы увидеть иные поезда—небесные, иные прыжки — прыжки с неба.

С жадностью просматриваются программы. Каждый хочет знать не только воздушную повестку дня, но и имена, фамилии, названия машин, которые вот-вот появятся над головою.

И все же это—не любопытные. Вот прошел маленький отряд подростков, одетых в синие костюмы. Это—юные авиостроители; сегодня, в день всесоюзного праздника, закрывается их пятый слет. Руки их—смуглые, загорелые, стройные—вытянуты порывисто вперед, а каждая оперена то маленьким бипланом, то дирижабликом, то планером. Крошечные, они умеют летать, потому что, как и в настоящей машине, рассчитана в них каждая деталь, учтены вес, форма, приспособлены к иным даже крохотные моторчики!

Не сама ли ты это, страна, великая родина наша, начавшая с малого, с ничтожно-малого, с авионуля, если вдуматься хорошенько, а ныне так *высоко подымающая* свои самолеты, чтобы хранить покой советских границ, мирный труд заводов и колхозных полей, молодую культуру и нашу надежду—наших детей? Не символ ли это твой?

Да, символ. Детям, своим детям, аплодируют и дружески улыбаются те, кто построил столько больших машин. Вот они проходят на зеленое поле: металлисты и деревообделочники, строители крыльев и фюзеляжей; электрики, строители моторов и магнето; сварщики и клепальщики; обрубщики, отливщики и шлифовальщики *шариков для подшипников*; эмалировщики; проволочники с гвоздильщиками; все другие.

Нет, не из-за простого любопытства пришли они сюда. Они хотят видеть творение рук своих. Они хотят проверить, хорошо ли, добротно ли получилось в целом, и как *поведут братья-летчики этих стальных птиц*, каждая из которых стоила труда, сил, расчета!..

Туча? Чорт с ней, с тучей. Машины строились с расчетом даже на ураганы. Советские, большевистские машины!..

И, словно поняв это, туча уходит с поля. Ливнем с градом обрушивается она на каменный город, на блестящий асфальт шоссе, но за мостом Окружной дороги принаряженные толпы даже не заметили дождя. Скорей туда, на зеленое поле, ведь скоро ровно час дня!..

И вот открывается большекрылый день.

Толпы на шоссе на секунду останавливаются. Шоферы сдерживают бег авто и точно по уговору высовываются налево от руля. Воздушный президиум избран на гигантском авиомитинге единогласно.

Сталин... Тельман... Молотов... Каганович... Ворошилов... Калинин!..

Сферические аэростаты подымаются один за другим, и под каждым — огромный портрет, издали столь похожий на живого человека. Их узнают, их называют, их имена приветственно выкликаются из этих гудящих многими моторами людских толп.

— Сталин!..

— Блюхер!..

— Шмидт!.. Водопьянов!..

— Где, где Водопьянов?

— Да вот же, рядом с Косаревым!..

В сыром воздухе рассыпаются многоцветные огни. Сигнальная ракета: праздник состоится, праздник начался!..

Об этом же рассказывает и радио. У микрофона — неистощимо веселый, остроумный и умный Кошиц. Официально он — комментатор, по существу же — талантливый лектор, для которого небо — нечто вроде экрана, где сейчас подается большой ценности многометражный авиофильм. Кошиц то и дело ввертывает в комментарии исторические справки, дает из личных воспоминаний, шутит и... учит даже просвещенных людей!..

На празднике присутствуют члены ЦК ВКП(б) и правительства, члены дипломатического корпуса, почти в полном составе первый всесоюзный с'езд писателей, высшее командование РККА, руководители гражданской авиации.

* * *

Какой замечательный, какой потрясающий авиофильм!..

Пять связанных ленточкой машин Осоавиахима, дважды пролетая над аэродромом, как бы раздвигают занавес.

А вот и воздушные поезда. Когда будут так путешествовать люди? Быть может, через десять лет. Быть может, раньше. Быть может, позже. Но — будут!..

Стремительно мчит «воздушный паровоз». За ним—веером—три планера. Чудесные машины, бесшумные, как орлы в самом высоком своем полете. Но быстрей орлов. И более крупные, чем любая птица, планеры.

«Паровозы» отцепились в воздухе. Девять «вагонов» скользят по невидимым рельсам. Каждый выбрал себе путь и идет по нему. И зачарованный этим безмоторным полетом, о котором при царе Иване мечтал бедняга-холоп, тише рокочет 50-тысячесильный людской мотор, одним дыханьем своим способный поддержать и вынести тысячи таких планеров, чтобы были они и тут, и в Коктебеле, и в каждом городе, в каждом колхозе, где есть обрыв для первых взлетов.

Показались автожиры ЦАГИ. Издали они, как комарики. Их роторы — точно крылышки неутомимых насекомых. Вот замерли в воздухе, точно щупают местность. Потом круто, почти отвесно пошли на посадку и так же круто сели.

— Колхозные поля такими бы облетывать!—вздыхает кто-то в рядах.—Не надо и вышек строить!.. Умственная машина!..

И вдруг—овация. Ревет человеческий мотор в тысячи глоток. Летят АИР!! Те, что летали в Иркутск!.. Вот они, вот их возвращение!..

И летят в воздух шапки, крики заглушают рокот моторов. Из Рима, из Парижа пришли вчера родные наши самолеты! А теперь и из далекой Сибири прилетели! Разве не праздник?!.

И где еще есть такая страна, над которой можно лететь пять, шесть, семь тысяч километров по прямой и не знать других границ, кроме границ братских республик?! Нет такой страны, одна лишь наша!..

Высший пилотаж. Индивидуальный... В сущности, каждый полет глубоко индивидуален. Каждый летчик летает по-своему, даже и тогда, когда летит в строю. Но это уж сами летчики придумали—именовать «индивидуальными» непрерывную гирлянду мертвых петель, десятикратные «штопоры», скольжение на крыло, всякие пике и горки, крутые виражи и восьмерки, наконец, полет... вверх колесами!..

Тт. **Молотов, Бобров** и **Эйдеман** на Тушинском аэродроме во время авиационного праздника.

Кто нынче не знает их?.. Сузи!.. Степанчонок!.. Евсеев!.. Кокинаки!.. Шевченко!. Супрун!.. Лагутин! Что только они выделывали вчера в Тушине! Это нельзя описывать. Это *надо видеть*, чтобы полностью оценить мастерство. Само солнце не выдержало. Старчески сощурясь, оно высунулось из облаков, а потом вылезло окончательно и уже не уходило до конца праздника, яркое, горячее, такое молодое!..

И было что ему посмотреть. Из облаков *летела всякая всячина*. С неба *свалился* оркестр и, опускаясь на землю, наигрывал что-то бравурное. Потом—на парашютах же—опустилась походная кухня, с нею старший повар, за ним всякая живность. Молодая буфетчица прибыла с буфетом и горячими пирожками. Такими горячими, точно их *пекли на солнце*.

Пирожки не успели остыть, как стали заявляться и потребители сей вкусной продукции. Заявлялись, конечно, с неба. Поодиночке и группами. Потом конвейером. Потом—целыми гроздьями.

Дождь-таки разразился. Но это был красивый, цветной, парашютный дождь. Перед таким обилием двойных шелковых зонтов спасовало небо. Прыгали мужчины и женщины, солидные люди и безусые ребята, рабочие с работницами и бывалые прыгуны «с заряжного».

Последние цветные капли еще опускались на зелень поля, а на горизонте, в реве моторов уже показались гигантские машины.

— «Максим Горький»! «Правда»! «Огонек»!.. Вот она, агитэскадрилья!..

Восторженно все приветствуют ее. Вот такие, только такие машины хотела бы видеть в воздухе наша страна, наша родина! Самолеты-типографии! Самолеты-кинематографы! Самолеты-аудитории и библиотеки! Самолеты—организаторы новой культурной жизни!..

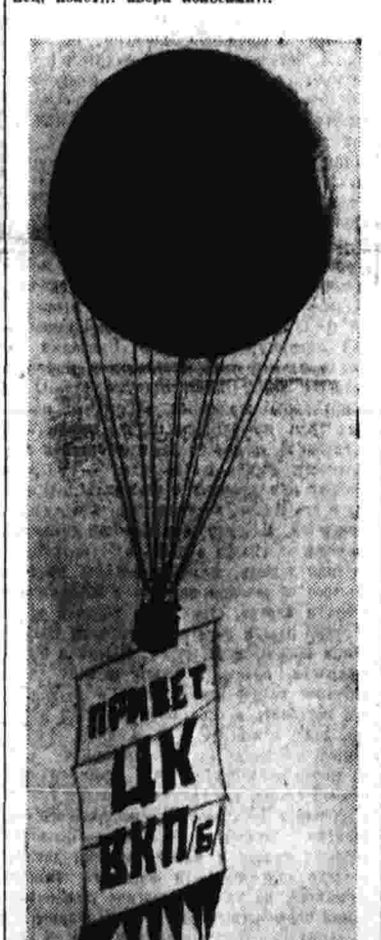
Но мы — не чудаки. Мы — не Дон-Кихоты. Мы знаем, что такое авиация на земном шаре сегодня. И вот — невиданные еще машины—короткокрылые, головастые, куцые — стремительно режут воздух, проносясь над трибунами, над шоссе, над полем.

— Догнать и перегнать! — это обязательно и в воздухе, как и на земле.

— Колесами к солнцу!—это лозунг высокого пилотажа.

— Скорость, скорость и еще раз скорость! — это уже лозунг высокой техники.

Эта техника у нас есть. Это видели вчера все, кто был в Тушине. Страна социализма подымает свои самолеты все выше. И в *этом особенность дня авиации*, так блестяще отпразднованного в традиционный день 18 августа 1934 года.

БЫСТРЕЕ ПТИЦ...

ЛЕНИНГРАД, 18 августа. (**Корр. «Правды»**). Прямая линия Московского шоссе была похожа вчера на ленту громадного конвейера, которая безостановочно несла поток автобусов и автомобилей к городскому аэропорту. Сотни тысяч трудящихся *пришли туда в день праздника авиации*. На импровизированной трибуне: секретарь обкома ВКП(б) т. **Чудов**, председатель Ленсовета т. **Кадацкий**, председатель облисполкома т. **Струппе**, помощник командующего ЛВО т. **Гарькавый** и др.

Глаза к небу—к голубым просветам между *плывущими тучами*. Глаза к *небесному* простору, по которому большевики начали двигаться не менее уверенно, чем по привычной земле. Дорога птиц стала дорогой людей.

Самолет, огромный и величественный, поднялся над аэродромом. Это был флагман *парада, вожак неисчислимой стаи стальных птиц*, показавшихся из-за Пулковских высот. Гигант пролетел с торжествующим ревом низко-низко над аэродромом. Совсем близко промелькнули красные звезды на его крыльях. За ним, соблюдая до неправдоподобности точный строй, прошли остальные.

Это было такое радостное зрелище, что, не сговариваясь, тысячи людей, стоявших во всех концах поля, захлопали в ладоши. Это была награда летчикам Советской страны. Это был крик радости за свою родину, сумевшую создать такой мощный воздушный флот.

Три машины рядовых советских летчиков взлетели вверх, рассыпались веером, потом начали набирать высоту и вдруг (для тысяч зрителей), но рассчитано (для летчиков) плавно перевернулись. **Самолеты полетели вверх колесами.**

Самолет сравнивают с птицей. Что может сделать птица? Летать? Но разве так **быстро**, как эти самолеты, искрой промелькнувшие в воздухе? Но разве так разумно, как эта пятерка, которая, связавшись перевитой флажками бечевкой, поднялась—*все 5 машин вместе—и пролетела над аэродромом*, ни разу не натянув ее...

Летчики на любой высоте слушали команду, отдаваемую с земли, и отвечали об исполнении приказаний. Их голос с высоты *был слышен в любом уголке аэродрома*. Их воздушный привет т. Кирову был подхвачен *всеми присутствовавшими на аэродроме*.

На бесконечном экране неба происходило зрелище, равного которому еще не видели ленинградцы. Запрокинуты кверху головы сотен тысяч людей. С величайшей внимательностью они провожают каждую эволюцию, проделанную самолетами. В *этой внимательности, от которой не уходила* даже мельчайшая подробность, была глубокая любовь и гордость за свою страну, охраняемую такой авиацией.

Воздух перестал быть недоступным не только для тех, кто сделал его покорение своим призванием, но и для сотен тысяч *других*, что имеют земные профессии. Они учатся летать, пополняя резерв страны,—токари, станочники, слесаря, текстильщики, советская молодежь с «Красного путиловца», с «Электросилы», с завода «Двигатель». Не покидая своих рабочих мест, они учатся высокому искусству полетов, *прыжков и парения*. В заводских аэроклубах, на парашютных вышках, в парках и на стадионах они показывали свою выучку и свое бесстрашие.

Воздух перестал быть недоступным для всей нашей страны.

ВОЗДУХ—НАШ!

Лишь примчал с аэродрома,
обступили сразу дома:
— Ну, как
парад?
— Ну, как
парят?
— Говори,
расскажи,
каковы
виражи?

Говорю:
— На Тушино
не было скушно!
От души говоря,
ни одна голова
к земле не опущена.
Хоть дождь, хоть гроза,
а к небу глаза!
Погода сыра,
Туча мглится,
но плывут на шарах
славные
лица!

— Постой,
не спеши,
ты все
опиши,
разбери
по детали:
как летали?
Скажу
без утайки,
я видел орлят,
что связаны
стайкой
летучих гирлянд.

Заметили
летчики
радость нашу,
перчаткою
с лодочки
машут,
машут...

А песни
пилотам
были?
— Были!
А поле
полетом
брили?
— Брили!
До самых печенок
дрожала
земля,
когда Степанчонок
писал вензеля.

Кружил
и писал
без помарок
крыля,
исписал небеса
и зашел
на поля!

Не дают
отужинать,
и всей семьей:
— Еще,
еще про Тушино
валяй,
Семен!

Самолеты,
кинув брасом
плоскость сабельную —
на-ак тряхнули
небо разом,
будто яблоню!
Смолкли сильные,
рокочущие
двигатели,
и посыпались,
посыпали,
посыпатели.

Светлый ворох
парашютов
распушив,
Раскрывайся, парус-чудо,
во всю ширь.

Нам такое в жизнь не снилось
в звезды, марш!
Падай книзу, сердце-смелость,
воздух—наш!

В дым ракету раздробите,
в блестки гроздь,
Чтобы прыгнул истребитель
К горлу гроз!

Чтоб размахом крыльев красных
великан —
воздух в празднике, небо в празднике
вспахал!
Воздух шелком парашютов
порасшит,
опускайся, парус-чудо,
парашют.
Так с полетом сердце спелось!
К звездам, марш!
Вверх взвивайся, сердце-смелость,
воздух — наш!

СЕМЕН КИРСАНОВ.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ЗНАМЯ ЭПОХИ.

Значение доклада **А. М. Горького,** прочитанного им на всесоюзном с'езде писателей, определяется не только важностью основных положений доклада для развития нашей литературы. Помимо блестящего обзора исторических этапов человеческой культуры, помимо ценнейших указаний о методе исследования культуры прошлого, А. М. Горький сформулировал в этом докладе большой важности мысли о взглядах пролетариата на искусство и культуру в целом. Задача нашего литературоведения и литературной критики — разработать эти общие руководящие положения в их применении к конкретным явлениям литературы и искусства. Сейчас важно констатировать, что устами великого пролетарского писателя фронт советской культуры сформулировал свои основные, принципиальные воззрения.

Заявив во вдохновенном вступительном слове, что «мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм революционного пролетариата,—гуманизм силы, призванной освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости, от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда»,—А. М. Горький в своем докладе обосновал **историческое право пролетариата выступать в качестве судьи мира, право его художников рассматривать себя как представителей самого передового, самого прогрессивного искусства.**

Утверждая, что «роль трудовых процессов, которые превратили вертикальное животное в человека и создали основные начала культуры,—никогда не была исследована так всесторонне и глубоко, как она того заслуживает»,—А. М. Горький привлек огромный материал от древних сказов и мифов до современных произведений мировой литературы, для обоснования мысли, что **«именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей»,** положенных в основу творчества науки и искусства.

Большое значение для разработки основных вопросов истории культуры имеет утверждение Алексея Максимовича о том, что «роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена», что «смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества». Эпоха «всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии», нашедшая свое отвратительное и кровавое выражение в фашистском режиме, эпоха уничтожения и гибели культурных ценностей, вся конкретная практика обреченного класса, пришедшего уже к отрицанию цивилизации и культуры,—яркое свидетельство правильности положений А. М. Горького, его слов, прозвучавших похоронным звоном для мира «страшной и подлой богини»—капиталистической собственности.

Дав убийственную характеристику буржуазной литературы, героями которой «являются плуты, воры, убийцы и агенты уголовной полиции», что особенно ярко отражает подлинные вкусы, интересы и практическую «мораль» ее потребителей, писатель пролетариата продемонстрировал обреченность этой литературы, ее бескрылость, ее жалкую роль прислужницы капиталистических хозяев жизни. И эти слова обличения и гнева, произнесенные одним из самых замечательных писателей человечества, прозвучали не только как осуждение и отрицание, — в них звучал и пламенный революционный призыв к наиболее честным и талантливым писателям буржуазного мира, способным понять свою роль при капитализме и ужаснуться ей, — призыв примкнуть к пролетарским отрядам, штурмующим капиталистические твердыни.

И, снова возвращаясь к основной мысли о труде — организаторе и созидателе культуры, А. М. Горький яркими и четкими формулировками указывает пути советской литературы и задачи ее творцов. «Мы живем в эпоху коренной ломки старого быта, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, **в эпоху сознания им самого себя как силы, действительно изменяющей мир... Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.-е. человека, организуемого процессами труда... Развитие революционного самосознания пролетариата, его любви к родине, создаваемой им, и защита родины — одна из существенных обязанностей литературы».**

Смело вскрывая недостатки нашей литературы и литературной критики, любовно отмечая ее завоевания и достижения, призывая к сплочению и тесной связи литератур всех национальностей нашей страны, т. Горький особо подчеркивает, что **«не было и нет в мире государства, в котором наука и литература пользовались бы такой товарищеской помощью, такими заботами о повышении профессиональной квалификации работников искусства и науки»,** как «в стране, где неутомимо и **чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».**

Только здесь, в этой стране, внимательно и бережно взращивается литературная молодежь, ибо государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных «мастеров культуры», «инженеров душ». Только здесь художественная литература впервые в истории человечества занимает достойное место, становится могучей силой, воспитывающей миллионы новых людей, непосредственно участвующей в строительстве нового общества. Велика ответственность этой литературы перед народом, перед трудящимся человечеством! Огромны и почетны задачи братского об'единения ее творцов—союза советских писателей СССР!

Этим чувством ответственности и смелой самокритики был проникнут первый доклад на всесоюзном с'езде писателей. В столице *социалистического государства*, «в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие всех способностей и дарований своих и где рабочие и колхозники ежедневно и разнообразно доказывают свое уменье пользоваться этим правом»,—великий пролетарский писатель высоко поднял знамя культуры и искусства могучего класса-победителя, боевое знамя новой эпохи, на котором написано:

— Да здравствует раскрепощенный труд, владыка и созидатель нового, прекрасного мира!

Тов. М. И. КАЛИНИН В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ.

ОРДЖОНИКИДЗЕ, 18 августа. (Роста). Вчера вечером состоялся торжественный пленум облисполкома, посвященный юбилею Северной Осетии.

На пленуме присутствовали тов. **М. И. Калинин,** представители краевых партийных и профсоюзных организаций, делегаты Дагестана, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Карачая, Черкессии и др.

Тов. Калинин передал Северной Осетии в день ее десятилетия привет от ЦК партии и правительств СССР и РСФСР.

Тов. Калинин отметил несомненный рост достижений области, рост братства и дружбы народов, населяющих ее, рост культуры.

Пред. облисполкома **т. Хасиев** заверил партию и правительство в лице Михаила Ивановича в том, что рабочие, колхозники и трудящиеся области еще с большей энергией и силой будут бороться за реализацию решений партии и правительства.

Тов. ВОРОШИЛОВ В КОЛХОЗАХ САРАТОВСКОГО КРАЯ.

САРАТОВ, 18 августа. **(Корр. «Правды»).** Прибытие наркома обороны т. **Ворошилова** в Саратовский край вызвало новую волну ударничества и соревнования в колхозах. Красными обозами с хлебом, сокращением сроков хлебосдачи, повышением темпов уборки отметили колхозники приезд тов. Ворошилова.

17 августа нарком посетил ряд колхозов края. На току колхоза «Великое начало», Тимирязевской МТС, нарком долго, всесторонне интересовался работой колхоза, исключительное внимание уделяя жизни отдельных колхозников.

Под бурные аплодисменты колхозники избрали тов. Ворошилова почетным бригадиром колхоза.

Перед от'ездом с тока тов. Ворошилов сфотографировался вместе с инспектором по качеству т. Полниковым, тепло попрощался с колхозниками и выехал в поле для осмотра работы комбайна. Комбайн № 4232, выпущенный Саратовским заводом и управляемый механиком т. Бахтманом, работал превосходно. Нарком с удовлетворением отметил, что комбайн сводит на-нет потери зерна и подчеркнул огромное значение этой машины в условиях социалистического сельского хозяйства.

Затем нарком посетил МТС его имени, беседовал с колхозниками колхоза им. XVII с'езда партии. Колхозники дали слово тов. Ворошилову, что МТС, носящая его имя, в ближайшее время будет превращена в образцовую МТС края. С огромным под'емом встретили наркома обороны колхозники колхоза им. Молотова, Бальцерского кантона Немреспублики. Беседа тов. Ворошилова с колхозниками и трудящимися немцами Поволжья носила исключительно задушевный характер. Вопросы культуры, повышения благосостояния колхозников, животноводство, темпы уборки— вот темы беседы наркома с колхозниками.

Тов. Ворошилов отметил высокое качество пахоты паров в колхозе. Колхозники заверили наркома, что они закончат хлебосдачу 1 сентября. Тов. Ворошилов призвал колхозников культурно и хорошо работать. Затем тов. Ворошилов осмотрел несколько домов колхозников.

Пионеры колхоза встретили наркома пением «Интернационала» на немецком языке.

На авиационном празднике: демонстрация способа перевозки людей в парашютных ящиках, примененного Молоковым при спасении челюскинцев.

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

ДОКЛАД А. М. ГОРЬКОГО.

ИСТОЧНИК И ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА.

Роль трудовых процессов, которые превратили вертикальное животное в человека и создали основные начала культуры, никогда не была исследована так всесторонне и глубоко, как она того заслуживает. Это естественно, ибо такое исследование не в интересах эксплуататоров труда, которые, превращая энергию масс, как некое сырье, в деньги, в данном случае, конечно, не могли повышать ценность сырья. Начиная с глубокой древности, от времени деления людей на рабовладельцев и рабов, живой силой трудовых масс пользовались — и пользуются — так же, как мы теперь пользуемся механической силой течения рек. Первобытные люди изображались историками культуры как философствующие идеалисты и мистики, творцы богов, искатели «смысла жизни». Первобытному человеку приписывалось настроение Якова Бема, сапожника, который жил в конце XVI, в начале XVII века и между делом занимался философией, весьма любезной буржуазным мистикам; Бем учил, что «человек должен размышлять о небе, о звездах и стихиях и о тварях, которые произошли из них, также о святых ангелах, о дьяволе, о небе и аде».

Вы знаете, что материалом для истории первобытной культуры служили данные археологии и отражения древних религиозных культов, а пережитки эти освещались и рассматривались под влиянием христианско-философской догматики, которая не чужда была и атеистам-историкам. Это влияние совершенно ясно в теории надорганического развития Спенсера и не только у него, оно не чуждо и Фрезеру и всем другим. Но никто из историков первобытной и древней культуры не пользовался данными фольклора, устным творчеством народа, показаниями мифологии, которая в общем является отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях.

Крайне трудно представить двуногое животное, которое тратило все свои силы на борьбу за жизнь, **мыслящим отвлеченно от процессов труда, от вопросов рода и племени.** Трудно представить Иммануила Канта в звериной шкуре и босого, размышляющим о «вещи в себе». Отвлеченно мыслил человек позднейшего времени, тот одинокий человек, о котором Аристотель в «Политике» сказал: «Человек вне общества—или бог или зверь». Будучи зверем, он иногда заставлял признавать себя богом, но как зверь послужил материалом для создания многочисленных мифов о звероподобных людях, так же, как первые люди, освоившие лошадь для верховой езды, дали основание мифу о кентаврах.

Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы по приручению животных, открытию целебных трав, изобретению орудий труда. Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о Фаэтоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказка о «ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах», освоили лошадь, желание плавать по реке быстрее ее течения привело к изобретению весла и паруса, стремление убивать врага и зверя издали послужило мотивом изобретения пращи, лука, стрел. Мыслили о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможности построить в одну ночь хорошее жилище, даже «дворец», т. е. жилище, укрепленное против врага, создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный, ручной станок для тканья и создали сказку о Василисе Премудрой. Можно привести еще десятки доказательств целесообразности древних сказок и мифов, десятки доказательств дальнозоркости образного, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей, возвышавшегося до таких уже современных нам гипотез, как, например, утилизация силы вращения земли вокруг своей оси или уничтожение полярных льдов. Все мифы и сказки древности как бы завершаются мифом о Тантале: Тантал стоит по горло в воде, его мучит жажда, но он не может утолить ее, — это древний человек среди явлений внешнего мира, не познанных им.

Не сомневаюсь в том, что древние сказки, мифы, легенды известны вам, но очень хотелось бы, чтоб основной их смысл был понят более глубоко. Смысл этот сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силой слова, *приемом «заговоров», «заклинаний»* повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы. Последнее особенно важно, ибо знаменует, как глубоко люди верили в силу своего слова, а вера эта об'ясняется явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей. «Заклинаниями» пытались действовать даже на богов. Это вполне естественно, ибо все боги древности жили на земле, являлись человекоподобными и вели себя так же, как люди: доброжелательно в отношении к покорным, враждебно — к непослушным, были, как люди, завистливы, мстительны, честолюбивы. Факт человекоподобия богов — одно из доказательств в пользу того мнения, что религиозное мышление возникло не из созерцания явлений природы, а на почве социальной борьбы. Вполне допустимо думать, что сырьем для фабрикации богов служили «знатные» люди древности, — Геркулес, «герой труда», «мастер на все руки», был в конце концов возведен на Олимп, в среду богов. Бог в представлении первобытных людей не был *отвлеченным понятием, фантастическим* существом, но вполне реальной фигурой, вооруженной тем или иным орудием труда, бог был мастер того или иного ремесла, учитель и сотрудник людей. Бог являлся художественным обобщением успехов труда, и «религиозное» мышление трудовой массы нужно взять в кавычки, ибо это было чисто художественное творчество. Идеализируя способности людей и как бы предчувствуя их мощное развитие, мифотворчество в основах своих было реалистично. Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд. Совершенно ясно, что это стремление было внесено в жизнь людьми физического труда. И совершенно ясно, что бог не явился бы и не существовал бы так долго в житейском обиходе людей труда, если бы он не был сугубо полезен владыкам земным, эксплуататорам труда. В нашей стране бог так быстро и легко выходит из употребления именно потому, что исчезла причина его бытия — необходимость оправдания власти человека над человеком, ибо человек человеку должен быть только сотрудником, другом, соратником, учителем, а не владыкой разума и воли его.

Но чем более мощным и властным становился рабовладелец, тем выше в небеса поднимались боги, а в массе явилось богоборчество, воплощенное в образе Прометея, эстонского Калеви и других героев, которые видели в боге враждебного им владыку владык.

Дохристианский, языческий фольклор не сохранил каких-либо ясно выраженных признаков наличия мышления о «сущностях», о «первопричине всех явлений», о «вещи в себе» и вообще признаков мышления, которое было организовано как система в IV в. до нашей эры «пророком Аттики» **Платоном, основоположником миропонимания, отвлеченного от процессов труда, от условий и явлений быта.** Известно, что церковь признала Платона предвозвестником христианства. Известно, что церковь изначала своего упорно боролась против «пережитков язычества», а эти пережитки — отражения трудового, материалистического миропонимания. Известно, что как только феодалы начали чувствовать силу буржуазии, явилась идеалистическая философия епископа Берклея, реакционное значение которой освещено В. И. Лениным в его боевой книге против идеализма. Известно, что накануне Французской революции в конце XVIII в. буржуазия воспользовалась материалистической мыслью для борьбы с феодализмом и вдохновителем его—религией, но, победив классового врага своего и в страхе перед новым врагом—пролетариатом, немедленно вернулась к мировоззрению идеализма и под защиту церкви. Более или менее тревожно чувствуя беззаконие и шаткость власти своей над массами трудового народа, буржуазия на протяжении XIX в. пыталась оправдать свое бытие философией критицизма, позитивизма, рационализма, прагматизма и другими попытками искажения чисто материалистической мысли, исходящей из процессов труда. Попытки эти, одна за другой, обнаруживали свое бессилие «об'яснить» мир, и в XX в. снова было признано, что вождем философствующей мысли является идеалист Бергсон, чье учение, кстати, «благоприятно для католической религии». Если к такому определенному признанию необходимости движения назад добавить современные вопли буржуазии о гибельном значении неудержимого роста техники, создавшей фантастические богатства капиталистов, мы получаем вполне ясное представление о степени интеллектуального обнищания буржуазии и о необходимости уничтожения ее как исторического пережитка, который, разлагаясь, отравляет мир трупным ядом своего гниения. Причиной интеллектуального обнищания всегда служит уклонение от познания основного смысла явлений действительности, — бегство от *жизни вследствие страха перед нею* или вследствие эгоистического стремления к покою, вследствие социального равнодушия, вызванного пошлейшим и отвратительным анархизмом капиталистического государства.

ХВАЛЕНАЯ КУЛЬТУРА КАПИТАЛИЗМА.

Имеется полное основание надеяться, что когда история культуры будет написана марксистами, мы убедимся, **что роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена,** а в области литературы особенно сильно, и еще более—в области живописи, где буржуазия всегда была работодателем и тем самым являлась законодателем. Буржуазия не имела в самой себе и не имеет тяготения к творчеству культуры, — если это творчество понимать шире, чем только непрерывное развитие внешних материальных, бытовых удобств и развитие роскоши. Культура капитализма—не что иное, как система приемов физического и морального расширения и укрепления власти буржуазии над миром, над людьми, сокровищами земли, энергиями природы. **Смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества.** Известно, что по силе буржуазной, экономической политики каждая соседняя нация, организованная как государство, являлась враждебной, а племена, слабо организованные и особенно цветные, служили буржуазии как рабы еще более бесправные, чем ее собственные, белокожие рабы.

У крестьян и рабочих было отнято право на образование, — на развитие разума и воли к познанию жизни, к изменению ее условий, к облегчению трудовой обстановки. В школах воспитывались и воспитываются только покорные слуги капитализма, верующие в его незыблемость и законность. О «воспитании народа» говорили, писали, даже хвастались успехами грамотности, но на самом деле раздробляли трудовой народ, внушая ему идеи непримиримого различия рас, наций, религии. Этой проповедью оправдывается бесчеловечная колониальная политика, дающая все более широкий простор бессмысленной страсти к наживе, идиотской жадности лавочников. Этой проповеди служила буржуазная наука, не брезгуя опускаться до утверждения, что отрицательное отношение людей арийской расы ко всем другим «органически выросло из метафизической деятельности целого народа», хотя совершенно очевидно, что если «целый народ» заражался постыдной, животной враждой к цветным расам или к семитам, — зараза эта прививалась вполней реальной, физической и подлейшей деятельностью буржуазии «огнем и мечом». Если вспомнить, что эту деятельность христианская церковь сделала символом страдания любвеобильного сына божия, — зловещий юмор этого обнажается с наглядностью отвратительной. Кстати: Христос, «сын божий», — единственный «положительный тип», созданный церковной литературой, на этом типе неудачного примирителя всех противоречий жизни особенно ярко показано творческое слабосилие церковной литературы.

История технических и научных открытий богата фактами сопротивления буржуазии даже росту технической культуры. Факты такого сопротивления общеизвестны, так же как известна и причина его: дешевизна живой рабочей силы. Скажут: а все-таки техника росла и достигла значительной высоты. Это неоспоримо. Но это об'ясняется тем, что техника сама как бы предсказывает и внушает человеку возможности и необходимости дальнейшего ее роста.

Разумеется, я не стану отрицать, что в свое время, например, по отношению к феодализму, буржуазия являлась силой революционной и способствовала росту материальной культуры, неизбежно принося в жертву этого роста интересы жизни и силы рабочих масс. Но случай Фультона показывает нам, что буржуазия Франции, даже после победы своей, не сразу оценила значение паровых судов для развития торговли и самозащиты. А это—не один случай, свидетельствующий о консерватизме мещанства. Нам важно усвоить, что этот консерватизм, скрывая в себе заботу об укреплении и защите буржуазией своей власти над миром, всячески ограничивал возможности интеллектуального роста трудового народа, но в конечном счете все же привел к тому, что в мире явилась новая сила—пролетариат и что пролетариатом уже создано государство, в коем интеллектуальный рост масс не ограничивается. Есть только одна область, где все технические новшества принимались буржуазией без возражений и немедленно, это — область производства оружия для истребления людей. Кажется, никто еще не отметил влияния производства оружия самозащиты буржуазии на общий ход развития техники в промышленности, обрабатывающей металлы.

ГЕРОИ КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ЛИТЕРАТУРЫ.

Процесс социально-культурного роста людей развивается нормально только тогда, когда руки учат голову, затем поумневшая голова учит руки, а умные руки снова и уже сильнее способствуют развитию мозга. Этот нормальный процесс культурного развития людей труда был в древности прерван силой известных вам причин. Голова оторвалась от рук, мысль—от земли. В массе деятелей явились созерцатели, об'ясняющие мир и рост мысли отвлеченно, вне зависимости от процессов труда, которые изменяют мир сообразно интересам и целям людей. Вероятно, вначале они служили организаторами трудового опыта и были такими же «знатными людьми», героями труда, каких мы видим в наши дни в нашей стране. А затем в их среде зарождается источник всех социальных несчастий — соблазн власти одного над многими, стремление к легкой жизни за счет чужой рабочей силы и уродливо возвышенное представление о своей индивидуальной силе, — представление, которое вначале питалось признанием исключительных способностей данной единицы, хотя эти способности были только концентрацией, отражением трудовых достижений рабочего коллектива — рода, племени. Разрыв труда и мышления приписывается историками культуры всей массе первобытных людей, и воспитание ими индивидуалистов ставится даже в заслугу им как явление положительного характера. История развития индивидуализма дана с прекрасной полнотой и ясностью историей литературы. Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее доктор Фауст, Василиса Премудрая, иронический удачник Иван-дурак и, наконец, Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, чорта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рацио и интуиция, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в работе творчества действительности, в борьбе за обновление жизни.

Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело, и мучительно рабский труд их был обессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора «дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда победитель всех житейских невзгод, так же как преодолевает их и Василиса Премудрая.

Если же иногда в фольклоре звучат ноты безнадежности и сомнения в смысле земного бытия, эти ноты явно внушены двухтысячелетней проповедью пессимизма христианской церкви и скептицизмом невежества паразитивной мелкой буржуазии, бытующим между молотом капитала и наковальней трудового народа. Значение фольклора особенно ярко освещается сравнением его фантастики, основанной на успехах труда, с тяжелой, бездарной фантастикой церковной, «житийной» литературы и жалкой фантастикой рыцарских романов.

Эпос и рыцарский роман — творчество феодального дворянства, его герой — завоеватель. Хорошо известно, что влияние феодальной литературы никогда не было особенно значительным.

Буржуазная литература начинается еще в древности, египетской «сказкой о воре», ее продолжают греки, римляне, она является в эпоху разложения рыцарства на смену рыцарского романа. Это — подлинно буржуазная литература, и ее основной герой— плут, вор, затем сыщик и снова вор, но уже «вор-джентльмен».

Начиная с фигуры Тиля Уленшпигеля, созданного в конце XV столетия, с фигуры Симплициссимуса XVII в., Лазарильо из Тормес, Жильблаза, героев Смоллета и Фильдинга до «Милого друга» Мопассана, до Арсена Люпена, [illegible] литературы Европы [illegible] считается [illegible] являются плуты, воры, убийцы и агенты уголовной полиции. Это и есть подлинная буржуазная литература, [illegible] отражающая подлинные вкусы, [illegible] и практическую «мораль» ее потребителей. «Нет худа без добра»: на почве этой литературы, щедро унавоженной [illegible] пошлостью и в том числе пошлостью [illegible] «здравого смысла», — [illegible] почве выросли такие замечательные художественные обобщения, как, например, фигура Санчо Панса, как Тиль Уленшпигель де-Костера и немало других, равноценных этим двум. Одним из [illegible] веских доказательств глубокого [illegible] интереса буржуазии к описанию преступлений является известный случай Понсон-дю-Террайля: когда этот автор кончил свой многотомный роман о Рокамболе смертью ге-

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА 3-й СТР.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

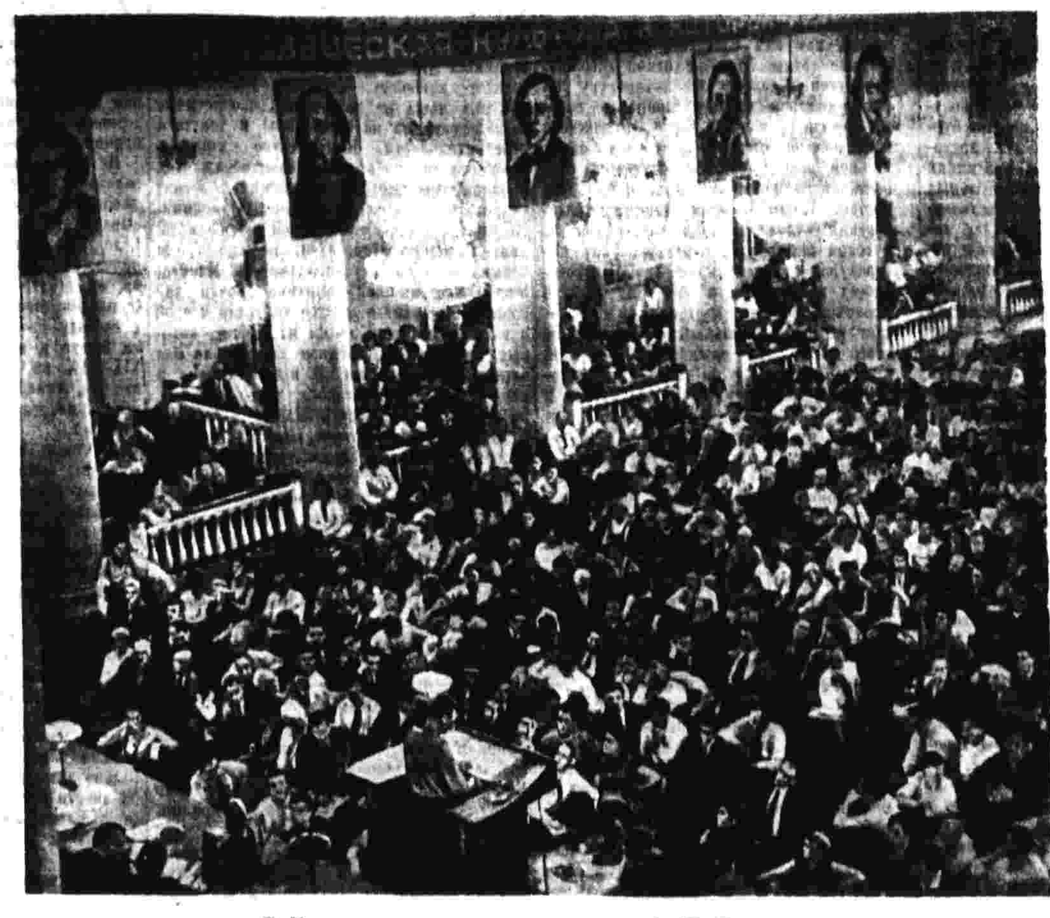
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОКЛАДА А. М. ГОРЬКОГО.

рой, читатели организовали перед квартирой Террайля демонстрацию, требуя продолжения романа, — успех, не испытанный ни одним из крупнейших литераторов Европы. Читатели получили еще несколько томов «Рокамболя», воскресшего не только физически, но и морально. Это — грубый, но широко распространенный и обычный для всей буржуазной литературы пример превращения душегуба и грабителя в доброго буржуа. Ловкостью воров, хитростью убийц буржуазия любовалась с таким же наслаждением, как и проницательностью сыщиков. Детективный роман до сего дня служит любимейшей духовной пищей сытых людей Европы, а проникая в среду полуголодного рабочего этот роман служил и служит одной из причин медленности роста классового сознания, возбуждает симпатию к ловким ворам, волю к воровству — партизанской войне единиц против буржуазной собственности и, утверждая ничтожную оценку буржуазией жизни рабочего класса, способствует росту убийств и других преступлений против личности. Горячая любовь европейского мещанства к романам преступлений утверждается обилием авторов этих романов и цифрами тиража книг.

Весьма интересен тот факт, что в XIX в., когда мелкое плутовство приняло героические и внушительные об'емы, на биржах, в парламентах, в прессе плут, как герой романа, уступил место сыщику, который в мире совершенно явных преступлений против рабочего народа замечательно ловко разгадывал преступления таинственные, но выдуманные. Разумеется, вовсе не случайно, что знаменитый Шерлок Холмс явился в Англии, и еще менее случайно, что рядом с гениальным сыщиком возник «вор-джентльмен», который оставляет премудрых сыщиков в дураках. Те, кто поймут эту смену героев как «игру воображения», ошибутся. Воображение создает то, что ему подсказывает действительность, а в ней играет не беспочвенная, оторванная от жизни фантазия, а те вполне реальные причины, которые понуждают, например, «правых» и «левых» французских политиков играть в футбол трупом «вора-джентльмена» Ставиского, стремясь кончить эту игру «вничью».

Из всех форм художественного словесного творчества наиболее сильными по влиянию на людей признаются драма и комедия, обнажающие эмоции и мысли героев в живом действии на сцене театра. Если начать ход развития европейской драмы от Шекспира, она снизится до Коцебу, Нестора Кукольника, Сарду и еще ниже, а комедия Мольера упадет до Скриба, Польерана, а у нас после Грибоедова и Гоголя почти совсем исчезнет. Так как искусство изображает людей, то, казалось бы, можно заключить, что падение драматического искусства говорит нам о вырождении сильных, резко очерченных характеров, о том, что «великие люди» исчезли.

Однако до сего дня живы, здравствуют и действуют такие типы, как, например, презренный Терсит в буржуазной журналистике, мизантроп Тимон Афинский — в литературе, ростовщик Шейлок — в политике, а также Иуда, предатель рабочего класса, и многие прочие фигуры, прекрасно изображенные в прошлом. От XVII в. до наших дней они выросли количественно и стали еще более отвратительны по качеству. Авантюрист Джон Лоу — мальчишка и щенок по сравнению с авантюристами типа Устрика, Ставиского, Ивара Крейгера и подобных им величайших жуликов XX века. Сесиль Родс и другие деятели в области колониальных грабежей не хуже Кортесса и Пизарро. Короли нефти, стали и прочие намного страшнее и преступней Людовика XI или Ивана Грозного. В маленьких республиках Южной Америки действуют люди не менее яркие, чем кондотьеры Италии XIV — XV вв. Форд — не единственная карикатура на Роберта Оуэна. Кошмарная фигура Пирпонта Моргана не имеет равной себе в прошлом, если забыть об одном древнем царе, которому залили глотку расплавленным золотом.

В Колонном зале: слушают доклад А. М. Горького.

Перечисленные типы, конечно, не исчерпывают разнообразия «великих» людей, созданных практикой буржуазии в XIX — XX веках. Всем этим людям нельзя отказать в силе характеров, в гениальном умении считать деньги, грабить мир, затевать международные бойни для их личного обогащения, нельзя отказать в изумительном бесстыдстве и бесчеловечье их дьявольски нервной работы. Критика реалистическая, высокохудожественная литература Европы прошла и проходит мимо этих людей, не заметив, как бы не замечая их.

Ни в драме, ни в романе мы не найдем типов банкира, промышленника, политика, изображенных с той силой искусства, с какой литература дала тип «лишнего человека». Она не отметила также трагические и весьма обычные судьбы мастеров и создателей буржуазной культуры — деятелей науки, искусства, изобретателей в области техники, не отметила героев, которые боролись за свободу наций из-под гнета иноземцев, не отметила и мечтателей о братстве всех людей, таких, как Томас Мор, Кампанелла, Фурье, Сен-Симон и другие. Все это говорится не в качестве упрека. Прошлое не безупречно, но упрекать его — бессмысленно, а вот изучать необходимо.

ТВОРЧЕСКОЕ БЕССИЛИЕ БУРЖУАЗНОЙ ЕВРОПЫ.

Что привело литературу Европы к творческому бессилию, обнаруженному ею в XX веке? Яростно и многословно защищалась свобода искусства, своеволие творческой мысли, всячески утверждалась возможность внеклассового бытия и развития литературы, независимость ее от социальной политики. Это утверждение было плохой политикой, именно оно незаметно привело многих литераторов к необходимости сузить круг наблюдений действительности, отказаться от широкого, всестороннего изучения ее, замкнуться «в одиночестве своей души», остановиться на бесплодном «познании самого себя» путем самоуглубления и своеволия мысли, оторванной от жизни. Оказалось, что человек непознаваем вне действительности, которая вся и насквозь пропитана политикой. Оказалось, что человек, как бы затейливо он ни выдумывал себя, все-таки остается социальной единицей, а не космической, подобно планетам. А затем оказалось, что индивидуализм, превращаясь в эгоцентризм, создает «лишних людей». Неоднократно говорилось, что лучшим, наиболее искусно и убедительно разработанным героем европейской литературы XIX столетия является тип «лишнего человека». Именно на этом типе остановилась литература в своем развитии от героя труда — человека технически безоружного, но предугадавшего победоносную его силу; от феодального завоевателя — от человека, который понял, что отнять легче, чем сделать; от излюбленного буржуазией плута, ее «учителя жизни» — от человека, который догадался, что обманывать и красть легче, чем работать, — остановилась, пройдя мимо ярких фигур основоположников капитализма и угнетателей человечества, гораздо более бесчеловечных, чем феодальные дворяне, епископы, короли, цари.

В буржуазной литературе Запада тоже необходимо различать две группы авторов: одна восхваляла и забавляла свой класс: Троллоп, Вильки Коллинз, Бреддан, Марриэт, Джером, Поль-де-Кок, Поль-Феваль, Октав Фейлье, Онэ, Георг Самаров, Юлиус Штинде и сотни подобных. Все это — типичные «добрые буржуа», малоталантливые, но ловкие и пошловатые, как их читатели. Другая исчисляется немногими десятками, и это — крупнейшие творцы критического реализма и революционного романтизма. Все они — отщепенцы, «блудные дети» своего класса, дворяне, разоренные буржуазией, или дети мелкой буржуазии, вырвавшиеся из удушливой атмосферы своего класса. Книги этой группы европейских литераторов имеют для нас двойную и неоспоримую ценность: во-первых, как технически образцовые произведения литературы, во-вторых, как документы, об'ясняющие процесс развития и разложения буржуазии, документы, созданные отщепенцами этого класса, но освещающие его быт, традиции и деяния критически.

Подробный анализ роли критического реализма в европейской литературе XIX века не вмещается в мой доклад. Основную суть его можно свести к борьбе против консерватизма феодалов, возрожденного крупной буржуазией, к борьбе посредством организации демократии, т.-е. мелкой буржуазии, на почве либеральных и гуманитарных идей, при чем организация демократии многими авторами и большинством читателей понималась как необходимость защиты и против крупной буржуазии и против все более сильного натиска со стороны пролетариата.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА.

Вам известен тот факт, что исключительно, небывало мощное развитие русской литературы XIX столетия повторило — хотя и с некоторым опозданием — все настроения и течения литературы Запада и в свою очередь влияло на нее. Особенностью русской буржуазной литературы можно признать обилие типов «лишних людей», среди которых весьма своеобразны незнакомые Европе типы «озорников», в фольклоре это — Василий Буслаев, в истории — Федор Толстой, Михаил Бакунин и подобные, а затем тип «кающегося дворянина» в литературе, чудака и «самодура» в быте.

Как и на Западе, наша литература развивалась по двум линиям: линия критического реализма: Фонвизин, Грибоедов, Гоголь и т. д. до Чехова, Бунина, и линия чисто мещанской литературы: Булгарин, Массальский, Зотов, Голицынский, Вонлярлярский, Всеволод Крестовский, Всев. Соловьев до Лейкина и Аверченко и подобных.

Когда рядом с завоевателем-феодалом встал удачливый, разбогатевший плут, наш фольклор в спутники богачу дал Ивана-дурака, иронический тип человека, который достигает богатства и даже становится царем при помощи уродливого коня, заменившего добрую волшебницу рыцарских сказок. Богач покупал славу героя милостыней нищим рабам, чья слепая сила помогала грабить их и завоевателю и богачу.

Церковь, стремясь примирить раба с его участью и укрепить свою власть над его разумом, утешала его, создавая героев кротости, терпения, мучеников «Христа ради», создавала «отшельников», изгоняя бесполезных для нее людей в пустыни, леса, в монастыри.

Чем более дробился командующий класс, тем более мелкими становились герои. Наступил момент, когда «дураки» фольклора, превратясь в Санчо Панса, Симплициссимуса, Уленшпигеля, стали умнее феодалов, приобрели смелость высмеивать господ и, несомненно, способствовали росту тех настроений, которые в первой половине XVI века выразились в идеях «таборитов» и в практике крестьянских войн против рыцарей.

Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на создание таких крупнейших произведений книжной литературы, как, например, «Фауст», «Приключения барона Мюнхгаузена», «Пантагрюэль и Гаргантюа», «Тиль Уленшпигель» де-Костера, «Освобожденный Прометей» Шелли и многие другие. От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами. Грубо насильственная «пропаганда» культуры картофеля создает целый ряд легенд и поверий о происхождении его от совокупления дьявола с распутной девкой, это уклон в сторону древнего варварства, освященного глупостью церковных идей: «Христос и святые не ели картошки». Но тот же фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею.

Миф — это вымысел. Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ, так мы получили реализм. Но если к смыслу извлечений из реально данного добавить — домыслить по логике гипотезы желаемое, возможное и этим еще дополнить образ, получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбужденю революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющего мир.

Буржуазное общество, как мы видим, совершенно утратило способность вымысла в искусстве. Логика гипотезы осталась и возбудительно действует только в области наук, основанных на эксперименте. Буржуазный романтизм индивидуализма с его склонностью к фантастике и мистике не возбуждает воображение, не изощряет мысль. Оторванный, отвлеченный от действительности, он строится не на убедительности образа, а почти исключительно на «магии слова», как это мы видим у Марселя Пруста и его последователей. Романтики буржуазии, начиная от Новаллиса, это — люди типа Петра Шлемиля, «человека, потерявшего свою тень», а Шлемиля создал Шамиссо, французский эмигрант, писавший в Германии по-немецки. Литератор современного Запада тоже потерял свою тень, эмигрируя из действительности в нигилизм отчаяния, как это явствует из книги Луи Селина «Путешествие в край ночи»; Бардомю, герой этой книги, потерял родину, презирает людей, мать свою зовет «сукой», любовниц — «стервами», равнодушен ко всем преступлениям и, не имея никаких данных «примкнуть» к революционному пролетариату, вполне созрел для принятия фашизма.

Установлено влияние Тургенева на литераторов Скандинавского полуострова, признано влияние Льва Толстого на графа Полен, Рене Базена, Эстонье, Т. Гарди, в его романе «Тесс» и на ряд других писателей Европы. И особенно сильно было и есть влияние Достоевского, признанное Ницше, идеи коего легли в основание изуверской проповеди и практики фашизма. Достоевскому принадлежит слава человека, который в лице героя «Записок из подполья» с исключительно ярким совершенством живописи словом дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата. С торжеством ненасытного мстителя за свои личные невзгоды и страдания, за увлечения своей юности Достоевский фигурой своего героя показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX—XX столетий. Этот его человек вмещает в себе характернейшие черты Фридриха Ницше и маркиза Дез Эссент, — героя романа Гюисманса «Наоборот», «Ученика» Бурже и Бориса Савинкова, автора и героя его сочинения, Оскара Уайльда и «Санина» Арцыбашева и еще многих социальных выродженцев, созданных анархическим влиянием бесчеловечных условий капиталистического государства.

По рассказу Веры Николаевны Фигнер, Савинков рассуждал совершенно так, как декаденты:

«Морали — нет, есть только красота. А красота — свободное развитие личности, беспрепятственное развертывание всего, что заложено в ее душе».

ЛИЧНОСТЬ БУРЖУАЗНАЯ, ПРОТИВОСТОЯЩАЯ ОБЩЕСТВУ.

Нам хорошо известно, какой гнилью нагружена душа буржуазной личности!

В государстве, основанном на бессмысленных унизительных страданиях огромного большинства людей, должна была иметь и действительно имела руководящее и оправдывающее значение проповедь безответственного своеволия слова и дела личности. Такие идеи, как идея, что «человек деспот по природе своей», что он «любит быть мучителем», «до страсти любит страдание» и что смысл жизни, счастье свое он видит именно в своеволии, в неограниченной свободе действий, что только в этом своеволии «самая выгодная выгода» для него и что «пусть весь мир погибнет, а мне чтобы чай пить», — такие идеи капитализм внушал и всецело оправдывал.

Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал, он нашел ее в зверином, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать. Да, животное начало в человеке неугасимо до поры, пока в буржуазном обществе существует огромное количество влияний, разжигающих зверя в человеке. Домашняя кошка играет пойманной мышью, потому что этого требуют мускулы зверя, охотника за мелкими, быстрыми зверьми, эта игра — тренировка тела. Фашист, сбивающий ударом ноги в подбородок рабочего голову его с позвонков, — это уже не зверь, а что-то несравнимо хуже зверя, это безумное животное, подлежащее уничтожению, такое же гнусное животное, как белый офицер, вырезывающий ремни и звезды из кожи красноармейца.

Трудно понять, что именно искал Достоевский, но в конце своей жизни он нашел, что талантливый и честнейший русский человек Виссарион Белинский «самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни», что необходимо отнять у турок Стамбул, что крепостное право способствует «идеально нравственным отношениям помещиков и крестьян», и, наконец, признал своим «вероучителем» Константина Победоносцева, одну из наиболее мрачных фигур русской жизни начала XIX века. Гениальность Достоевского неоспорима, по силе изобразительности его талант равен может быть только Шекспиру. Но как личность, как «судью мира и людей» его очень легко представить в роли средневекового инквизитора.

Я потому отвел так много места Достоевскому, что без влияния его идей почти невозможно понять крутой поворот русской литературы и большей части интеллигенции после 1905—1906 годов от радикализма и демократизма в сторону охраны и защиты буржуазного «порядка».

Увлечение идеями Достоевского началось тотчас после его речи о Пушкине, после разгрома партии народовольцев, пытавшихся опрокинуть самодержавие. Еще до того, как в 1905 г. пролетариат, поняв простую и великую правду Ленина, показал миру свое суровое лицо, — предусмотрительный Петр Струве начал убеждать интеллигенцию, точно девицу, случайно потерявшую невинность, вступить в законный брак с пожилым капиталистом. Сват по профессии, книжный червь, совершенно лишенный своеобразия мысли, он в 1901 г. звал «назад, к Фихте», — к идее подчинения воле нации, олицетворяемой лавочниками и помещиками, а в 1907 году под его редакцией и с его участием вышел сборник «Вехи», в котором было заявлено буквально следующее:

«Мы должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной».

Эти подлые слова произнесены были демократической интеллигенцией в те дни, когда приказчик помещиков министр Столыпин ежедневно вешал десятки рабочих и крестьян. А основной смысл сборника «Вехи» повторял сказанную в 70-х годах изуверскую мысль матерого консерватора Конст. Леонтьева: «Россию надо подморозить», т. е. затоптать в ней все искры огня социальной революции. «Вехи» — этот акт ренегатства «конституционалистов-демократов» — старый ренегат Лев Тихомиров весьма одобрил, назвав его «отрезвлением русской души и воскресением совести».

МОРАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Время от 1907 до 1917 года было временем полного своеволия безответственной мысли, полной «свободы творчества» литераторов русских. Свобода эта выразилась в пропаганде всех консервативных идей западной буржуазии, идей, которые были пущены в обращение после Французской революции конца XVIII в. и регулярно вспыхивали после 48-го и 71-го годов. Было заявлено, что «философия Бергсона знаменует громадный прогресс в истории человеческой мысли», что Бергсон «наполнил и углубил теорию Беркелея», что «системы Канта, Лейбница, Декарта, Гегеля — мертвые системы, и над ними как солнце сияют вечной красотой произведения Платона» — основоположника наиболее пагубного заблуждения из всех заблуждений мысли, отвлеченной от реальной действительности, всесторонне и непрерывно развивающейся в процессах труда, творчества.

Дм. Мережковский, писатель влиятельный, в ту пору кричал:

Будь, что будет, — все равно!
Все наскучило давно
Трем богиням, вечным пряхам,
Было прахом — будет прахом!

Соллогуб, следуя за Шопенгауэром, в явной зависимости от Бодлера и «проклятых», с замечательной отчетливостью изобразил «космическое бессмыслие бытия личности» и хотя в стихах и жалобно стонал по этому поводу, но жил благополучным мещанином и в 14-м г. угрожал немцам разрушить Берлин, как только «снег сойдет с долин». Проповедывали «эрос в политике», «мистический анархизм», хитрейший Василий Розанов проповедывал эротику, Леонид Андреев писал кошмарные рассказы и пьесы, Арцыбашев избрал героем романа сластолюбивого и вертикального козла в брюках, и в общем десятилетие 1907 — 1917 вполне заслуживает имени самого позорного и бесстыдного десятилетия истории русской интеллигенции.

Так как наша демократическая интеллигенция была тренирована историей менее, чем западная, — процесс ее «морального» разложения, интеллектуального обнищания шел у нас быстрее. Но это — процесс общий для мелкой буржуазии всех стран и неизбежный для всякого интеллигента, который не найдет в себе силы решительно включиться в массу пролетариата, призванного историей изменить мир к общему благу всех людей честного труда.

Следует добавить, что русская литература, так же, как и западная, прошла мимо помещиков, организаторов промышленности и финансистов дореволюционной эпохи, а у нас эти люди были гораздо более своеобразны и колоритны, чем на Западе. Вне внимания русской литературы остались такие кошмарные типы землевладельцев каковы, примерно, знаменитая Салтычиха, генерал Измайлов и десятки, сотни подобных. Карикатуры и шаржи Гоголя в книге «Мертвые души» — это не так уж характерно для поместной, феодальной России, — Коробочки, Маниловы, Петухи и Собакевичи с Ноздревыми влияли на политику самодержавия только пассивным фактом их бытия и как кровопийцы крестьянства не очень характерны. Были другие мастера и художники кровопийства, люди страшного морального облика, сладострастники и эстеты мучительства. Злодеяния их не отмечены художниками слова, даже такими, как величайшие из них и влюбленные в мужика. Черты различия нашей крупной буржуазии от западной весьма резки, обильны и об'ясняются тем, что наш исторически молодой буржуа, по преимуществу выходец из крестьянства, богател быстрее и легче, чем исторически весьма пожилой буржуа Запада. Наш промышленник, не тренированный жестокой конкуренцией Запада, сохранял в себе почти до XX в. черту чудачества, озорства, должно быть вызывавшегося его изумлением пред дурацкой легкостью, с которой он наживал миллионы. Об одном из них, Петре Губонине, рассказывает известный тибетский врач П. А. Бадмаев в его брошюрке «Мудрость в русском народе», изданной в 1917 г. Эта забавная брошюрка, уговаривая молодежь «отречься от бесовских грамот, соблазняющих» ее «пустыми словами: свобода, равенство, братство», сообщает о сыне каменщика и каменщике, строителе железных дорог:

«В высокой степени почтенные старые чиновники времен освобождения России, до сих пор не забывшие времена Губонина, рассказывают следующее: Губонин, являясь в Министерства в больших смазных сапогах, в кафтане, с мешком серебра, здоровался в швейцарской со швейцарами и курьерами, вынимал из мешка серебро и щедро всех наделял, низко кланяясь, чтоб они не забывали своего Петра Ионовича. Затем входил в разные Департаменты и Отделения, где оставлял каждому чиновнику запечатаный конверт — каждому по достоинству — называя всех по имени и также кланяясь. С превосходительными особами здоровался и целовался, называл их благодетелями русского народа, и был быстро допускаем к самому высокопревосходительству. После ухода Петра Ионовича из Министерства все ликовали. Это был настоящий праздник, могущий сравниться только с рождественским или пасхальным днем. Каждый пересчитывал полученное, улыбался, имел бодрый, веселый вид и думал, как провести остаток дня и ночь до следующего утра. В швейцарской гордились Петром Ионовичем, вышедшим из их среды, называли умным и добрым, расспрашивали друг друга, сколько кто получил, но каждый это скрывал, не желая компрометировать своего благодетеля. Мелкие чиновники тихо перешептывались между собой с умилением, что и их не забыл добрейший Петр Ионович, как он умен, мил и честен. Высшие чины до высокопревосходительства громко говорили, какой у него ясный государственный ум, и он великую пользу приносит народу и государству, надо его отличить. Необходимо его приглашать на совещания при разработке железнодорожных вопросов, так как он — единственно умный человек по этим делам. И, действительно, его приглашали на самые важные совещания, где присутствовали только превосходительные особы и инженеры, и в этих совещаниях решающим голосом был голос Губонина».

Рассказ похож на иронию, но — это искреннейшее восхваление порядка, при котором громкий лозунг буржуазии «свобода, равенство и братство» оказался пустыми словами.

Все сказанное о творческом бессилии буржуазии, отраженном в ее литературе, может показаться излишне мрачным и вызвать по моему адресу упрек в тенденциозном преувеличении. Но факты есть факты, и я вижу их таковыми, каковы они есть.

Глупо и даже преступно недооценивать силы врага. Мы все прекрасно знаем, как сильна его промышленная техника, и особенно военная, которая рано или поздно будет направлена против нас, но неизбежно вызовет всемирную социальную революцию и уничтожит капитализм. Военные авторитеты Запада громогласно предупреждают, что война вовлечет в себя весь тыл, все народонаселение воюющих стран. Допустимо предполагать, что многочисленное мелкое мещанство Европы, еще не совсем забывшее об ужасах бойни 1914—1918 гг. и напуганное грозной неизбежностью новой, еще более ужасной бойни, догадается, наконец, о том, кому именно выгодна грядущая социальная катастрофа, кто преступник, периодически и ради гнусных своих выгод истребляющий миллионы народа, догадается и поможет пролетариям сломить голову капитализму. Предполагать это можно, но надеяться, что это будет, нельзя, ибо еще жив иезуит и трус, вождь мещанства, социал-демократ. Крепко надеяться следует на рост революционного правосознания пролетариата, но еще лучше для нас быть уверенными в своей силе и непрерывно развивать ее. Развитие революционного самосознания пролетариата, его любви к родине, создаваемой им, и защита родины — одна из существенных обязанностей литературы.

ОСНОВНОЙ ГЕРОЙ НАШИХ КНИГ — ЧЕЛОВЕК ТРУДА.

Когда-то в древности устное художественное творчество трудящихся служило единственным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива. Нам следует понять это. В нашей стране поставлено целью равномерное культурное воспитание всех единиц, равномерное для членов его ознакомление с успехами и достижениями труда, стремясь превратить труд людей в искусство управления силами природы. Нам более или менее известен процесс экономического и тем самым политического расслоения людей, процесс узурпации права людей труда на свободу роста их разума. Когда миропознание стало делом жрецов, они могли закрепить его за собой только посредством метафизического об'яснения явлений и сопротивлений стихийных сил природы целям и энергии людей труда. Этот преступный процесс исключения, устранения миллионов людей из работы миропонимания, начатый в древности и продолжающийся до наших дней, привел к тому, что сотни миллионов людей, раз'единенных идеями расы, нации, религии, остались в состоянии глубочайшего невежества, ужасающей умственной слепоты, во тьме всяческих суеверий, предрассудков, предубеждений. Партия коммунистов-ленинцев, рабоче-крестьянская власть Союза Социалистических Советов, уничтожив капитализм на всем пространстве царской России, передав политическую власть в руки рабочих и крестьян, организуя свободное бесклассовое общество, поставили целью своей смелой, мудрой, неутомимой работы освобождение трудовой массы из-под многовекового гнета старой, изжившей себя истории, капиталистического развития культуры, которая ныне явно обнаружила все свои пороки и свое творческое бессилие. С высоты этой великой цели мы, честные литераторы Союза Советов, и должны рассмотреть, оценить, организовать свою деятельность.

Мы должны усвоить, что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, как тех, которые на протяжении веков понижали решающее значение труда — источников наших знаний, так и тех идей Маркса — Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное право-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 4-й СТР.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА А. М. ГОРЬКОГО.

сознание пролетариев всех стран, и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творчества науки, искусства. Для успеха нашей работы нам необходимо понять, прочувствовать тот факт, что в нашей родине социалистически организуемый труд полуграмотных рабочих и примитивного крестьянства создал в краткий срок десяти лет грандиозные ценности и отлично вооружился для защиты от нападения врага. Правильная оценка этого факта покажет нам культурно революционную силу учения, об'единяющего весь пролетариат мира.

Мы все — литераторы, рабочие фабрик, колхозники — все еще плохо работаем и даже не можем вполне освоить все то, что создано нами и для нас. Наша трудовая масса все еще плохо понимает, что она трудится только на себя, для себя. Это сознание всюду тлеет, однако еще не вспыхнуло мощным и радостным огнем. Но ничто не может вспыхнуть раньше, чем достигнет определенной температуры, и никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеет делать партия, организованная гением Владимира Ленина, и современный нам вождь этой партии.

Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество. Творчество — понятие, которым мы, литераторы, пользуемся слишком часто, едва ли имея право на это. Творчество — это та степень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запаса знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова. Молодая наша литература не может похвастаться этим качеством. Запас впечатлений, количество знаний наших литераторов не велик, и особенной заботы о расширении, углублении его не чувствуется.

Основная тема европейской и русской литературы XIX столетия — личность в ее противопоставлении обществу, государству, природе. Главной причиной, которая побуждала личность ставить себя против буржуазного общества,— своеобразная, противоречащая классовым идеям и традициям быта организация обилия отрицательных впечатлений. Личность хорошо чувствовала, что эти впечатления подавляют ее, задерживают процесс ее роста, но слабо понимала свою ответственность за пошлость, подлость, за преступность основ буржуазного общества. Джонатан Свифт — один на всю Европу, но буржуазия Европы считала, что его сатира бьет только Англию. А вообще бунтующая личность, критикуя жизнь своего общества, редко и очень плохо сознавала свою ответственность за постыдную практику общества. И еще более редко основным мотивом ее критики существующего порядка действовало глубокое и правильное понимание значения социально-экономических причин, чаще же всего критика вызывалась или ощущением безнадежности своего бытия в тесной железной клетке капитализма, или же стремлением отомстить за неудачи жизни своей, за унизительность ее. И можно сказать, что когда личность обращалась к рабочей массе, она делала это не ради интересов массы, а в надежде, что рабочий класс, разрушив буржуазное общество, обеспечит ей свободу мысли, своеволие действий. Повторю: основной и главной темой литературы дореволюционной служит драма человека, которому жизнь кажется тесной, который чувствует себя лишним в обществе, ищет в нем для себя удобного места, не находит его и—страдает, погибает или примиряясь с обществом, враждебным ему, или же опускаясь до пьянства, до самоубийства.

У нас, в Союзе социалистических советов, не должно, не может быть лишних людей. Каждому гражданину предоставлена широкая свобода развития его способностей, дарований, талантов. От личности требуется только одно: будь честной в своем отношении к героической работе создания бесклассового общества.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ В СТРАНЕ СОВЕТОВ.

В Союзе Социалистических Советов рабоче-крестьянской властью призвана к работе строительства новой культуры вся масса народонаселения,— отсюда следует, что ответственность за ошибки, неполадки, за брак работы, за все проявления мещанской пошлости, подлости, двоедушия, беспринципности возлагается на всех нас и каждого. И значит, наша критика должна быть действительно самокритикой, и значит, что мы должны выработать систему социалистической морали, регулятора нашей работы, наших взаимоотношений.

Рассказывая о фактах, которые знаменуют интеллектуальный рост рабочего фабрики и превращение векового собственника в коллективиста-колхозника, мы, литераторы, именно только рассказываем, очень плохо изображая эмоциональный процесс этих превращений.

Мы все еще плохо видим действительность. Даже пейзаж страны резко изменился, исчезла его нищенская пестрота: голубоватая полоска овса, рядом с нею — черный клочок вспаханной земли, золотистая лента ржи, зеленоватая — пшеницы, полосы земли, заросшей сорными травами, а в общем — разноцветная печаль всеобщего раздробления, разорванности. В наши дни огромные пространства земли окрашены могуче, одноцветно, над селом и уездным городом возвышается не церковь, а огромные здания общественного назначения, гигантские фабрики сверкают обилием стекла, и маленькие языческие разнообразные, как бы игрушечные, древние церкви убедительно говорят нам о талантливости нашего народа, выраженной в церковном зодчестве. В литературе нет нового пейзажа, резко изменившего лицо нашей земли.

Мы живем в эпоху коренной ломки старого быта, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя, как силы, действительно изменяющей мир. Многим смешно читать, что люди изменяют фамилии Свинухин, Собакин, Кутейников, Попов, Свищев и т. д. на фамилии Ленский, Новый, Партизанов, Дедов, Столяров и т. д. Это — не смешно, ибо это говорит именно о росте человеческого достоинства, об отказе человека носить фамилию или прозвище, которое унижает его, напоминая о тяжелом, рабском прошлом дедов и отцов.

Наша литература не так внимательно относится к мелким внешне, но внутренне весьма ценным показателям изменения самооценки людей, к процессам развития нового, советокого гражданина. Возможно, что Свинухин взял фамилию Ленского не у Пушкина, а по связи с массовым убийством рабочих на Ленских приисках в 1912 году, а Кутейников действительно был партизаном, а Собакин, дед которого, крепостной раб, быть может был выменян на собаку, действительно чувствует себя «новым». До революции для того, чтобы изменить фамилию, нужно было подать об этом прошение «на высочайшее имя» царя, и когда некто Певцев попросил изменить его фамилию по именам матери и бабушки — Авдотьин, на прошении была «начертана» резолюция: «Душевнобольной».

А недавно мне сообщили такой факт: матрос германского флота, человек с исторической фамилией, потомок декабриста, Волконский стал фашистом.

— Почему? — спросили его.

— Потому что офицерам запретили бить нас,— ответил он.

Вот яркий пример утраты чувства собственного достоинства наследственным аристократом, человеком «голубой крови».

Рост нового человека особенно ярко заметен на детях, а они совершенно вне круга внимания литературы, наши сочинители как будто считают ниже своего достоинства писать о детях и для детей.

Мне кажется, что я не ошибаюсь, замечая, что отцы начинают все более заботливо и нежно относиться к детям, и, на мой взгляд, это вполне естественно, ибо впервые за всю жизнь человечества дети являются наследниками не денег, домов и мебели родителей, а наследниками действительной и могущественной ценности — социалистического государства, созданного трудом отцов и матерей. Никогда еще дети не входили в жизнь такими сознательными и строгими судьями прошлого, и я вполне верю в факт, рассказанный мне: одиннадцатилетняя туберкулезная девочка сказала доктору в присутствии своего отца и указывая пальцем на него: «Это вот он виноват, что я больная, до сорока лет тратился здоровьем на всяких дряней, а потом женился на маме, ей еще только двадцать семь, она здоровая, он, видите, какой несчастный, вот я и вышла в него».

Есть все причины ожидать, что такие суждения детей не будут редкостью.

Действительность дает нам все больше «сырого» материала для художественных обобщений. Но ни драма ни роман еще не дали достаточно яркого образа советской женщины, свободно и отлично действующей во всех областях строительства социалистической жизни. Заметно даже, что драматурги стараются писать как можно меньше женских ролей. Трудно и об'яснить—почему это? А между тем, хотя у нас женщина социально равноправна с мужчиной и хотя она успешно доказывает разнообразие своих дарований и широту своей трудоспособности,— равноправие это весьма часто и во многом является внешним, формальным. Мужчина все еще не забыл, или уже преждевременно забыл, что в течение десятков веков женщина воспитывалась для чувственных забав и как домашнее животное, способное играть роль «хозяйки». Этот старый и гнусный должок истории половине народонаселения земли следовало бы оплатить мужчинам нашей страны в первую очередь и в пример всем прочим мужчинам. И здесь литературе следует попытаться изобразить работу и психику женщины так, чтоб отношение к ней приподнялось над общепринятым, мещанским отношением, заимствованным у петухов.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА—МНОГООБРАЗНА ПО ЯЗЫКУ, ЕДИНА ПО ИДЕЙНОСТИ.

Далее, я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература. Так как литературы братских нам республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благотворным влиянием той же идеи, об'единяющей весь раздробленный капитализмом мир трудящихся,— ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество нацменьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом—гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества. Не следует забывать, что на всем пространстве Союза социалистических республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа «к жизни честной — человеческой», к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры. Мы уже видим, что чем дальше вперед, тем более мощно этот процесс выявляет скрытые в 170-миллионной массе способности и таланты.

Я нахожу нужным сообщить вам, товарищи, письмо, полученное мной от одного татарского литератора.

«Великая Октябрьская революция дала нам, писателям из угнетенных и отсталых народов, неограниченные возможности, в том числе и возможность выступить в русской литературе со своими, правда, еще далеко не совершенными, произведениями. Нас, писателей-националов, печатающихся на русском языке, как вам известно, уже десятки и даже сотни. Это — с одной стороны. С другой — советскую литературу на русском языке читают теперь не только русские массы, но и трудящиеся всех народов нашего Советского Союза; на ней воспитываются миллионы подрастающего поколения всех национальностей. Таким образом, советско-пролетарская художественная литература на русском языке уже перестает быть литературой исключительно людей, говорящих на русском и имеющих русское происхождение, а постепенно приобретает интернациональный характер и по своей форме. Этот важный исторический процесс выдвигает на первый план совершенно неожиданные новые задачи и новые требования.

К величайшему сожалению, это понимают не все писатели, критики и редактора. Поэтому так называемая апробированная литературная общественность в центре продолжает смотреть на нас как на «этнографический экспонат». Не все издательства принимают нас к изданию с охотой. Некоторые частенько дают понять при приеме рукописи, что мы являемся для них «накладным расходом» или «принудительным ассортиментом», что они «сознательно делают скидку национальной политике партии». Эти «мины благородства» вполне справедливо оскорбляют в нас чувство интернационального единства и сознание полноценного человека. Критика же по выходе произведения из печати в лучшем случае обмолвится парой «тепленьких словечек» по адресу автора и книги, опять-таки не столько по заслугам, сколько из «уважения» к ленинско-сталинской национальной политике. Это также не воспитывает нас, а наоборот, на некоторых малоискушенных товарищей действует демобилизующе и разлагающе. Затем после однократного и обычного пятитысячного тиража, который целиком раскупается любителями экзотики и редкостей в больших городах, нас сдают в архив. Такая практика, помимо того, что оказывает на нас как морально, так и материально плохое действие, преграждает наш путь к массовому читателю и ведет нас к неминуемой национальной ограниченности. Нам же весьма естественно хотелось бы услышать о своих достижениях, если таковые имеются, о недочетах и ошибках (которых у нас больше, чем у других), чтобы их изжить в дальнейшем, хотелось бы стать доступными массовому читателю».

Вероятно, под этим письмом готовы подписаться представители литературы всех союзных республик и автономных областей. Историки и критики нашей литературы должны обратить внимание на это письмо и начать работу, которая внушила бы людям нашей страны, что хотя они разноплеменны, разноязычны, но все и каждый из них — граждане первого в мире социалистического отечества. Упрек, адресованный нашей критике, мы должны признать справедливым упреком. Критика, особенно газетная, наиболее читаемая писателями, критика наша не талантлива, схоластична и малограмотна по отношению к текущей действительности. Ничтожество книжно-газетного знания особенно ярко обнажается в наши дни быстрого изменения действительности, обилия разнообразных деяний. Не имея, не выработав единой руководящей критико-философской идеи, пользуясь все одними и теми же цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, критика почти никогда не исходит в оценке тем, характеров и взаимоотношений людей из фактов, которые дает непосредственное наблюдение над бурным ходом жизни. В нашей стране и работе есть много такого, чего, конечно, не могли предусмотреть Маркс — Энгельс. Критика говорит автору: «Это сделано неверно, потому что наши учителя говорят по этому поводу так-то». Но она не может сказать: «Это неверно, потому что факты действительности противоречат показаниям автора». Из всех чужих мыслей, которыми пользуются критики, они, видимо, совершенно забыли ценнейшую мысль Энгельса: «Наше учение — не догма, а руководство к действию». Критика недостаточно действенна, гибка, жива, и, наконец, критик не может научить автора писать просто, ярко, экономно, ибо сам он пишет многословно, тускло и — что еще хуже — или равнодушно, или же слишком горячо, — последнее в том случае, если он связан с автором личными симпатиями, а также интересами группки людей, заболевших «вождизмом», прилипчивой болезнью мещанства.

«Вождизм»—это болезнь эпохи, она вызвана пониженной жизнеспособностью мелкого мещанства, ощущением его неизбежной гибели в борьбе капиталиста с пролетарием и страхом перед гибелью, страхом, который гонит мещанина на ту сторону, которую он издавна привык считать наиболее физически сильной, — в сторону работодателя-эксплуататора чужого труда, грабителя мира. Внутренне «вождизм» — результат изжитости, бессилия и нищеты индивидуализма, внешне он выражается в формах таких гнойных нарывов, каковы, например, Эберт, Носке, Гитлер и подобные герои капиталистической действительности. У нас, где создается действительность социалистическая, такие нарывы, конечно, невозможны. Но у нас в качестве наследия мещанства еще остались кое-какие прыщи, неспособные понять существенное различие между «вождизмом» и руководством, хотя различие совершенно ясно: руководство, высоко оценивая энергию людей, указывает пути к достижению наилучших практических результатов при наименьшей затрате сил, а «вождизм» — индивидуалистическое стремление мещанина встать на голову выше товарища, что и удается весьма легко при наличии механической ловкости, пустой головы и пустого сердца.

ИЗГНАТЬ МЕЩАНСТВО ИЗ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

Критика уступает слишком много места полуграмотным рецензентам, которые вызывают только недоумение и обиды авторов, но неспособны чему-либо научить. Не замечает попыток воскресить и ввести в жизнь некоторые идеи народнической литературы и, наконец, что очень важно, не интересуется ростом литературы областной, не говоря о союзной. Следует еще сказать, что критика не касается публичных сообщений литераторов о том, «как они пишут», а эти сообщения очень требуют внимания критики.

Самокритика необходима, товарищи. Мы работаем пред лицом пролетариата, который, становясь все более грамотным, непрерывно повышает свои требования к нашему искусству, да вместе с этим и к нашему социальному поведению.

Коммунизм идей не совпадает с характером наших действий и взаимоотношений в нашей среде, — взаимоотношений, в коих весьма серьезную роль играет мещанство, выраженное в зависти, жадности, в пошлых сплетнях и взаимной хуле друг на друга.

О мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета и др.

Напомню, что мещанство — многочисленный класс паразитов, которые, ничего не производя, стремятся потреблять, поглощать как можно больше, — и поглощают. Паразитируя на крестьянстве и рабочем классе, тяготея всегда в лапы крупной буржуазии, а иногда, по силе требования извне, переходя на сторону пролетариата и внося в его среду анархизм, эгоцентризм и всю исторически присущую мещанину пошлость, пошлость мысли, питающейся исключительно фактами быта, а не внушениями труда,—мещанство, насколько оно мыслило и мыслит, всегда пропагандировало и укрепляло философию индивидуального роста по линии наименьшего сопротивления, искало более или менее устойчивого равновесия между двумя силами. Отношение мещанства к пролетариату особенно ярко характеризуется тем фактом, что даже полунищий крестьянин, собственник ничтожнейшего клочка земли, презирал рабочего фабрики, лишенного всякой собственности, кроме рук. Что у пролетария есть еще и голова, мещанин замечал лишь тогда, когда руки пролетария начинали действовать революционно вне фабрики.

Не все сорные травы вредны или бесполезны, ибо из многих сорных трав добываются целительные яды. Мещанство вырабатывает только яд разрушающий. Если бы мещанин не чувствовал себя ничтожной деталью в машине капитализма, он не стремился бы так упорно и так бесплодно доказывать свою значительность и свободу своей мысли, воли, свое право на бытие и не создал бы на протяжении XIX—XX вв. такое количество «лишних людей», «кающихся дворян», «героев безвременья», людей типа «ни павы, ни вороны».

В Союзе Советов мещанство сдвинуто с места, выгнано из его гнезд, из сотен уездных городов, развеялось всюду и, как мы знаем, просачивается даже в партию Ленина, откуда его вышибают при каждой партийной чистке. Все-таки оно остается и действует как микроб, вызывающий постыдные заболевания.

Партийное руководство литературой должно быть строго очищено от всяких влияний мещанства. Партийцы в литературе обязаны явиться не только учителями идеологии, организующей энергию пролетариата всех стран на последний бой за его свободу, партийное руководство должно явить всем своим поведением морально авторитетную силу. Эта сила должна внести в среду литераторов прежде всего сознание ими коллективной их ответственности за все явления в их среде. Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывно растущем количестве новых, даровитых писателей, должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры.

Союз писателей создается не для того, чтоб только физически об'единить художников слова, но чтобы профессиональное об'единение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всей трудотворческой энергией страны.

Речь идет, конечно, не о том, чтоб ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития.

Надо усвоить, что критический реализм возник как индивидуальное творчество «лишних людей», которые, будучи не способны к борьбе за жизнь, не находя себе места в ней и более или менее отчетливо сознавая бесцельность личного бытия, понимали эту бесцельность только как бессмыслие всех явлений социальной жизни и всего исторического процесса.

Отнюдь не отрицая широкой огромной работы критического реализма, высоко оценивая его формальные достижения в искусстве живописи словом, мы должны понять, что этот реализм необходим нам только для освещения пережитков прошлого, для борьбы с ними, вытравливания их.

Но эта форма реализма не послужила и не может служить воспитанию социалистической индивидуальности, ибо, все критикуя, ничего не утверждала, или же — в худших случаях — возвращалась к утверждению того, что ею же отрицалось.

Социалистическая индивидуальность, как мы видим на примере наших героев труда, которые являются цветением рабочей массы, — социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда, поставившего перед собою высочайшую и мудрую цель — освобождения трудящихся всего мира из-под искажающей людей власти капитализма.

Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого—непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно непрерывному росту его потребностей, хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, об'единенного в одну семью.

ПОЛНЫМ ГОЛОСОМ И С ВЕЛИКОЙ РАДОСТЬЮ О НАШИХ ДОСТИЖЕНИЯХ.

Сказав так много о недостатках литературы нашей, я обязан отметить ее достоинства и завоевания. Здесь у меня нет места и времени указать на резкое различие нашей и западной литературы,—это кропотливая и длительная работа, частично ее осветит в своем остром докладе товарищ Радек. Скажу только, что для всякого беспристрастного ценителя совершенно ясно: наша литература обогнала западную новизною тем, и напомню, что многие из литераторов наших оценены на Западе еще более высоко, чем у себя на родине. О завоеваниях литературы нашей я уже говорил полным голосом и с великой радостью в 1930 году, в статье, напечатанной в книге «О литературе», стр. 52—54, и во многих других статьях этой книги. С той поры прошло четыре года напряженной работы. Дает ли эта работа мне право повысить оценку достижений нашей литературы? Право это мне дает высокая оценка целого ряда книг основным нашим читателем — рабочим и колхозником. Вам известны эти книги, а потому я не буду называть их, скажу только, что у нас уже есть солидная группа живописцев словом,— группа, которую мы можем признать «ведущей» в процессе развития художественной литературы.

Эта группа об'единяет наиболее талантливых партийцев-литераторов с беспартийными, и последние становятся «советскими» не на словах, а на деле, осваивая все более глубоко общий и общечеловеческий смысл героической работы партии и рабоче-крестьянской, советской власти. Не надо забывать, что русской буржуазной литературе потребовалось,—считая с конца XVIII века, — почти сто лет для того, чтоб властно войти в жизнь и оказать на нее известное влияние. Советская, революционная литература достигла этого влияния за пятнадцать лет.

Высота требований, которые пред'являются к художественной литературе быстро обновляемой действительностью и культурно-революционной работой партии Ленина, высота этих требований об'ясняется высотою оценки значения, которое придается партией искусству живописи словом. Не было и нет в мире государства, в котором наука и литература пользовались бы такой товарищеской помощью, такими заботами о повышении профессиональной квалификации работников искусства и науки. Об этой помощи, об этой работе говорят нам не только организации ВИЭМ и Литвуза.

Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных «мастеров культуры», «инженеров душ». Это необходимо для того, чтобы возвратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей. Это намерение, практически осуществимое, возлагает на нас, литераторов, необходимость строгой ответственности за нашу работу и за наше социальное поведение. Это ставит нас не только в традиционную для реалистической литературы позицию «судей мира и людей», «критиков жизни», но предоставляет нам право непосредственного участия в строительстве новой жизни, в процессе «изменения мира». Обладание правом и должно внушить каждому литератору сознание его обязанности и ответственности за всю литературу, за все явления, которых в ней не должно быть.

Союз советских литераторов об'единяет 1.500 единиц, в расчете на массу мы получаем одного литератора на 100 тыс. читателей. Это—не много, ибо жители Скандинавского полуострова в начале этого столетия имели одного литератора на 230 читателей. Население Союза социалистических республик непрерывно и почти ежедневно демонстрирует свою талантливость, однако не следует думать, что мы скоро будем иметь 1.500 гениальных писателей. Будем мечтать о 50. А чтоб не обманываться, наметим — 5 гениальных и 45 очень талантливых. Я думаю, для начала хватит и этого количества. В остатке мы получим людей, которые все еще недостаточно внимательно относятся к действительности, плохо организуют свой материал и небрежно обрабатывают его. К этому остатку нужно присоединить многие сотни кандидатов в союз, и затем — сотни «начинающих» писателей во всех республиках и областях. Сотни из них пишут, десятки уже печатаются. За 1933—1934 гг. в различных городах от Хабаровска и Комсомольска до Ростова и Сталинграда, Ташкента, Воронежа, Кабардино-Балкарии, Тифлиса и т. д. вышло около тридцати сборников и альманахов, наполненных произведениями местных начинающих литераторов.

Оценивать эту работу — обязанность критики, которая все еще не замечает ее, хотя пора заметить. Эта работа, какова бы она ни была, говорит все-таки о глубине культурного процесса в массе народа. Читая эти книжки, чувствуешь, что авторы стихов, рассказов, пьес — рабкоры, селькоры. Я думаю, что мы имеем добрый десяток тысяч молодежи, которая стремится работать в литературе. Разумеется, будущий Литвуз не в состоянии поглотить и десятую часть этой армии.

Теперь я спрошу:

Зачем организован с'езд литераторов и какие цели ставит перед собой будущий союз. Если только цели профессионального благоустройства работников литературы, тогда едва ли следовало городить столь грандиозный огород. Мне кажется, что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом. Союз должен в какой-то мере взять на себя руководство армией начинающих писателей, должен организовать ее, распределить ее силы по различным работам и учить работать с материалом как прошлого, так и настоящего.

В стране нашей идет работа по «Истории фабрик и заводов». Оказалось, что привлечь к этой работе высококвалифицированных литераторов весьма трудно. Покамест из них отлично работают только поэтесса Шкапская и Мария Левберг, другие же не только не касаются сырого материала, но не находят времени для редактирования обработанного.

Мы не знаем истории нашего прошлого. Предполагается и частью уже начата работа по истории удельно-княжеских и порубежных городов от времени их основания до наших дней. Эта работа должна осветить нам в очерках и рассказах жизнь феодальной России, колониальную политику московских князей и царей, развитие торговли и промышленности, картину эксплуатации крестьянства князем, воеводой, купцом, мелким мещанином, церковью и заключить все это организацией колхозов, — актом подлинного и полного освобождения крестьянства от «власти земли», из-под гнета собственности.

Нам нужно знать историю прошлого союзных республик. К этим и многим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предоставит им широчайшую возможность самообразования, повышения квалификации путем коллективной работы над сырым материалом и взаимной самокритики. Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса—Ленина—Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях, трудом, который организует, которым руководит новая сила истории — воля и разум пролетариата Союза социалистических республик.

Вот какова, на мой взгляд, задача союза литераторов. Наш с'езд должен быть не только отчетом пред читателями, не только парадом наших дарований, но он должен взять на себя организацию литературы, дело воспитания молодых литераторов на работе, имеющей всесоюзное значение всестороннего познания прошлого и настоящего нашей родины. **(Продолжительные бурные аплодисменты. Зал, стоя, приветствует великого пролетарского писателя).**

На празднике в Тушино: делегаты всесоюзного с'езда писателей следят за полетами.

Накануне „плебисцита“ в Германии.

ПОЛИЦИЯ РЫЩЕТ.

(По телефону от специального корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 18 августа. Завтра с 8 часов начнется «всенародное голосование». Берлин разукрашен флагами.

Хотя организационная подготовка к голосованию закончена и национал-социалистская пропаганда достигла невиданных размеров, власти явно нервничают. Вчера, например, на дорогах, ведущих к Берлину, все проезжавшие автомобили подвергались обыску. Искали якобы коммунистическую литературу. Характерно, что общей участи не избежала даже машина какого-то видного штурмовика. Ходят слухи о большой активности, проявляемой компартией в связи с 19 августа.

Германская пресса попрежнему полна воззваниями и призывами «вождей», полицейских генералов, деятелей искусства, попов и т. д. голосовать за Гитлера. Орган «Рабочий фронт» вышел с оригинальной «шапкой»: «Только мерзавцы (люмпен) не голосуют за Гитлера!»

Дм. Бух.

Речь Гитлера.

БЕРЛИН, 18 августа. (ТАСС). Вчера вечером в **Гамбурге** выступил **Гитлер** с речью, которая транслировалась через все германские радиостанции.

В значительной части эта речь сводилась к обычным выпадам против прежних правительств, которые, по словам Гитлера, повинны во всех переживаемых Германией трудностях. Гитлер заявил, что завтрашний плебисцит **проводится только для внешнего мира,** хотя он сам (Гитлер) не нуждается в таком вотуме доверия.

Далее Гитлер резко выступил против тех, кто критикует деятельность правительства, и заявил, что **«в нашем государстве можно только сотрудничать и работать, здесь нет права на критиканство».**

«Выступая против такого безобразного разложения,—продолжал Гитлер,—я делаю это потому, что считаю самым важным для будущего создание авторитетного руководства государством. Я поставил себе задачей дать Германии такое государственное руководство, которое должно быть совершенно независимо... Это государственное руководство базируется на двух силах: **политически—на национал-социалистском движении, с военной точки зрения—на армии.** Я всегда буду стремиться к осуществлению того принципа, что **единственным носителем политической воли является национал-социалистская партия, а единственным носителем оружия—армия...** Эта конструкция даст Германии гарантию достойной защиты ее жизненных интересов и перед внешним миром».

Одновременно Гитлер заявил: «Я преисполнен непоколебимой решимости привлекать к ответственности каждого, кто посмеет мешать развитию нового германского государства или попробует силой противостоять ему».

После обычных заявлений о «миролюбии» и утверждения, что «нынешнее правительство не нуждается в военных победах», Гитлер подчеркнул, что Германия «никогда не откажется от своего равноправия».

Исход „плебисцита“ никого не убедит.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 18 августа. Речь Гитлера принята в Лондоне с холодной сдержанностью. Корреспондент **«Таймс»** отмечает, что она «содержит мало нового». Это мнение разделяется и другими газетами.

«Дейли геральд» сообщает, ссылаясь на авторитетные источники, что в Германии готовится **новая расправа с политическими противниками** наподобие 30 июня. Новый **проскрипционный список** содержит около 500 имен.

К исходу плебисцита здесь проявляют мало интереса. **«Дейли телеграф»,** как бы отвечая на германские заявления, что «единодушное голосование» должно произвести впечатление за границей, замечает: **«Все же это нас не убедит. Слишком явно разоблачен аппарат, организующий голосование».**

Одновременно берлинские корреспонденты лондонских газет сообщают, что фашистские власти встревожены усиливающейся деятельностью **коммунистов,** ведущих энергичную агитацию за голосование против Гитлера.

Коммунистические воззвания печатаются на внутренних страницах всевозможных, невинных по внешнему виду, брошюрок, листовки незаметно оставляются на скамьях и подоконниках в рабочих кварталах.

Вновь **изобретенная форма агитации**—печатание на **самых маленьких клочках** бумаги **уменьшенных фотографий** коммунистической **литературы. Эти** незаметные клочки легче распространяются, чем крупные листовки. Читаются они с помощью увеличительного стекла.

Фашистские власти производят повальные «предупредительные» аресты.

Майорский.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ.

(По телефону от специального корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 18 августа. Издательство **Отто Штельберг** в Берлине осенила блестящая мысль: дать германскому народу полную энциклопедию его вождей. Мысль эта получила свое осуществление в виде об'емистого издания почти в 700 страниц петитного текста. Так много вождей оказалось у германского народа и так красочна их **биография!**

Зная цензурные нравы Третьей империи, издательство решило уберечь себя от возможных ошибок в таком серьезном деле и предприняло издание «лексикона **вождей»** в «сотрудничестве с соответствующими официальными органами», список которых красуется на стр. 13, 14 и 15 книги.

На титульном же листе черным по белому написано: «*Против издания этой книги* со стороны национал-социалистской рабочей партии Германии возражений не имеется. Мюнхен, 15 июня 1934 г.»

Как известно, после 1 июня в Германии произошел ряд событий, внесших некоторые поправки в «личный состав» вождей германского национал-социализма. И поэтому в специальном примечании издательство указывает, что «в результате ряда политических событий» оно было вынуждено внести ряд «исправлений».

Эти «исправления» предприняты в связи с событиями 30 июня.

Несколько технических подробностей. Книга состоит из двух частей. Первая часть содержит биографии вождей различных рангов и масштабов с их портретами; вторая часть описывает структуру партии и государства и размещение вождей по служебным клеточкам.

После 30 июня издательству пришлось переверстать первую часть книги; в нее уже не попали расстрелянные **Рем, Эрнст** и другие, опубликованные в первом списке «жертв» 30 июня. Но, повидимому, издательство получило **поздно** дополнительный список «убиенных», и снова переверстать книгу не было возможности. Вместо этого с матриц просто соскоблили «бывших», и книга вышла с белыми пятнами и пробелами—в отдельных случаях размером в целую страницу. Количество пробелов значительно превосходит число лиц, значившихся в **официальных списках** казненных в связи с «заговором Рема».

На 211-й странице конец биографии одного из убиенных не удалось выскоблить: ее просто заклеили. Сквозь наклейку нетрудно прочесть, что «выпавший» из «лексикона вождей» был «обергруппенфюрером» (*старшим командиром штурмовиков*), членом рейхстага и т. п.

Вся вторая часть издания пестрит наклейками, сквозь которые нетрудно прочесть фамилии лиц, ныне ушедших «в лучший мир». У нас нет желания составлять поминальный список убиенных лидеров национал-социалистов. Но «лексикон вождей» мог бы послужить ценнейшим документом для подобной цели.

Но еще более сенсационной является другая подробность этого издания. На странице 9-й второй части книги, в предисловии к которой (части) снова подчеркивается, что все данные относятся к апрелю—маю 1934 г. и что они проверены соответствующими органами, указано, что германским **рейхспрезидентом является Адольф Гитлер.**

Вряд ли национал-социалистское правительство оставит в обращении этот «документ эпохи».

Дм. Бух.

На празднике в Тушино: с бреющего полета перешли на крутой под'ем.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЯПОНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ О СОБЫТИЯХ В МАНЧЖУРИИ.

ТОКИО, 17 августа. (ТАСС). Сегодня состоялся очередной прием иностранных корреспондентов представителем министерства иностранных дел, который в результате ряда вопросов иностранных корреспондентов был почти целиком посвящен **советско-японским отношениям.** Иностранные корреспонденты указывали, между прочим, на **новое усиление антисоветской кампании в японской печати, на события в Северной Манчжурии, на коммюнике военного министерства** (в этом коммюнике военное министерство пытается возложить на СССР ответственность за пограничные инциденты) и т. д.

Представитель министерства иностранных дел заявил, что, по официальным данным, имеющимся в распоряжении министерства иностранных дел, ночью с 13 на 14 августа арестовано 17 советских служащих на КВЖД, в том числе 5 на станции [illegible], **3 на станции Имяньпо, 4 на станции Мулин, 3 на станции Пограничная** и по одному на станциях **Хайлин и Матаоше.** При этом он указал, что в официальных сообщениях, поступивших в министерство иностранных дел, нет указаний на причину арестов. Однако, основываясь на сообщениях японских газет, он полагает, что «аресты последовали в связи с происшествиями на восточной линии КВЖД».

На заданный иностранным корреспондентом вопрос: «Как видно из газет, армия ведет большую пропаганду, указывая, что она займет твердую позицию по отношению к СССР. Не является ли взгляд армии *выражением точки зрения японского правительства?*»—представитель министерства иностранных дел ответил, что «он не может сказать, так как не знает, ибо соответствующие сообщения были опубликованы военным министерством самостоятельно». Дальше последовал следующий обмен вопросами и ответами.

Вопрос: «Имеется ли связь между арестами советских служащих на КВЖД и тупиком на конференции о КВЖД?»

Ответ: «Не думаю. Раскрытый на восточной линии КВЖД заговор не новый. Много происшествий на железной дороге имели место в мае и июне».

Вопрос: «Чем об'яснить, что как только переговоры о КВЖД оказываются в тупике, так немедленно следуют аресты советских служащих на КВЖД?»

Ответ: «Это случайность».

Вопрос: «Поскольку вы указываете, что заговор не новый, то означает ли это, что аресты откладывались в связи с переговорами о КВЖД?»

Ответ: «Не думаю». При этом представитель министерства иностранных дел, повторяя аргументы, приведенные 16 августа в **«Иомиури»,** добавил: «Встреча Юренева с Охаси имела место 13 августа, а аресты имели место 13 августа». Вообще же «переговоры о КВЖД не прерваны и продолжаются попрежнему. От'езд Охаси отнюдь не означает разрыва, так как главный делегат Манчжоу-Го находится в Токио и может продолжать переговоры».

Вопрос: «Пред'являло ли японское правительство за последнее время протесты советскому правительству в связи с «нарушениями границ», о которых опубликовано военным министерством?»

Ответ: «Вопрос о протесте еще не обсуждался». Однако, касаясь сообщения **«Ници-ници»** от 4 августа о предостережении Советскому Союзу, представитель министерства иностранных дел заявил: «Министерство иностранных дел обсуждает этот вопрос, но пока не принято никакого решения». Он заверяет, что «если предостережение будет послано, то оно не будет подразумевать или содержать какую-либо угрозу, а преследует лишь задачу ускорить разрешение многочисленных неурегулированных между СССР и Японией вопросов, в том числе о полетах советских самолетов над манчжурской территорией, *железнодорожных происшествиях и т. д.*»

В результате ряда вопросов представитель министерства иностранных дел указал, что советское правительство обращало внимание японского правительства на целый ряд случаев нарушения советских границ японскими самолетами и японскими частями. Поэтому эти вопросы также нуждаются в разрешении. Затем он заверил, что «Япония не имеет никаких намерений захватить КВЖД, несмотря на неоднократные обвинения ее в этом со стороны СССР».

Представитель министерства иностранных дел заявил, что он «гарантирует, что Япония не захватит КВЖД». Однако на вопрос—гарантирует ли он, что Манчжоу-Го не захватит дорогу и что оно не готовит захвата дороги, — представитель министерства иностранных дел ответил, что он этого гарантировать «не может, ибо Манчжоу-Го является независимым государством».

Возвращаясь к обвинениям, что Япония намеревается захватить КВЖД, представитель министерства иностранных дел указал, что «Япония устала от советской пропаганды».

Вопрос: «Означает ли, что мы находимся накануне каких-то насильственных действий с японской стороны?»

Ответ: «Нет». При этом представитель министерства иностранных дел добавил: «Общее предостережение, вручение которого обсуждается, ни в какой мере не будет связано с переговорами о КВЖД».

В заключение он вновь указал, что нет никакого решения о том, каким образом ускорить разрешение неурегулированных вопросов, тем более, что, с одной стороны, их много, а с другой стороны—обе стороны пред'являют друг другу претензии.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ ОСУЖДАЕТ ПРОВОКАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 18 августа. Печать публикует подробные сообщения о взаимоотношениях между Японией и СССР. Ни один из комментаторов, выступающих на страницах французской печати, не отрицает, что **Япония является виновницей всех инцидентов.**

Ормессон в **«Фигаро»** высказывается чрезвычайно язвительно по поводу *лицемерия японского правительства, выступающего в роли «арбитра»* между Манчжоу-Го и СССР. Указывая на провокационный характер инцидентов, вызванных Японией, Ормессон, однако, считает, что Япония не решится сейчас воевать, так как «война дорого обойдется, ее исход неизвестен, и в Сибири можно увязнуть».

Домиником пишет в **«Републик»,** что «общественное мнение настроено против Японии, если не считать Германию и некоторые китайские круги». В телеграмме, напечатанной в газете, говорится, что провокационные сообщения харбинских газет по адресу советского консульства на ст. Пограничная инспирированы японской военной миссией в Харбине.

«Эр» подчеркивает желание Японии **обострить положение.**

«Эр нувель» называет японские обвинения против советских служащих смехотворными и напоминает, что уже не в первый раз манчжурские власти, желая оказать давление на СССР, обнаруживают **так называемые «заговоры».** Касаясь позиции СССР, газета пишет: «Мы с удовлетворением отмечаем **хладнокровие** СССР, который, энергично протестуя против этих неслыханных несправедливостей, смог воздержаться от непоправимых шагов. Нам незачем давать советы нашим советским друзьям. **СССР уже в течение ряда лет являет собой поразительный пример государства, защищающего мир при соблюдении своего достоинства».** Газета напоминает Японии заявление одного из ее военных *лидеров о том, что если СССР рискует* во время войны **Владивостоком,** то Япония рискует **Токио.**

Рени.

ПАРИЖ, 18 августа. (ТАСС). Обычно весьма сдержанная **«Депеш колониаль»** в следующих выражениях оценивает японское сообщение о новом «советском заговоре» на ст. Пограничная:

««Это—та самая грубая выдумка, слегка подправленная, которую те же самые газеты преподносят снова три дня спустя. И чтобы заставить нас поверить этой плоской выдумке, они дополняют ее новыми подробностями об убийстве сторожа японской миссии — белогвардейца.

Последнее коммюнике содержит такие явные противоречия, что в данный момент невозможно в них разобраться. Но эти фантазии никого не обманут. Всякий раз, когда советско-японские переговоры заходят в тупик, Токио начинает старую игру, или развертывает грубую антисоветскую кампанию печати».

В подтверждение газета приводит длинную историю японо-манчжурских провокаций во время переговоров о КВЖД.

Берлин инструктирует Польшу.

БЕРЛИН, 18 августа. (ТАСС). Информационный бюллетень **«Фюрербрифе»** (орган близких к правительству кругов) помещает сегодня заслуживающую внимания откровенную статью на тему о том, каково должно быть отношение Польши к восточному пакту.

«Фюрербрифе» пишет: «Поскольку, быть может, уже на будущей неделе ожидается, что Польша изложит свою позицию в отношении восточного пакта, Польша окажется поставленной перед вопросом, который будет иметь решающее значение для независимости ее будущей внешней политики. Поэтому отрицательная позиция, *которую Польша до сих пор занимала* в отношении этого франко-советского проекта, свидетельствует только о весьма ясной и правильной оценке положения. Польша не только не имеет никаких поводов заключать такой пакт, а наоборот, все значительные факторы говорят против присоединения Польши к нему».

Далее «Фюрербрифе» останавливается на трех конкретных вопросах, в которых, по ее мнению, Польша должна возражать против восточного пакта. **Первым** из этих вопросов является вопрос о военном «дурхмарше» (т. е. о прохождении войск через соответствующую территорию). По мнению бюллетеня, этот «дурхмарш» вытекает якобы из соглашения о взаимопомощи. Бюллетень пишет, что «освобожденная Германией только в 1917 г. от русского владычества Польша» должна отрицательно относиться к возможности стать об'ектом подобного «дурхмарша».

Вторым пунктом возражения Польши против восточного пакта, по словам «Фюрербрифе», должен быть вопрос о конфликте с **Литвой.** При этом бюллетень, однако, с тревогой указывает на возможность того, что именно перспектива соглашения с Литвой явится для Польши компенсацией за присоединение к пакту. И, наконец, **в-третьих,** Польша должна отрицательно отнестись к пакту вследствие своего нежелания допустить усиление внешнеполитической позиции **СССР** в Европе.

«С подписью Франции под восточным пактом,—продолжает бюллетень,—была бы стабилизована гегемония СССР в Восточной Европе».

Бюллетень полагает, что опасения Польши по поводу германского ревизионизма устранены якобы польско-германским соглашением. В то же время он с тревогой пишет, что, хотя многочисленные и крайне веские мотивы говорят против участия Польши в восточном пакте, все же «нужно считаться с тем, что Польша, по крайней мере в принципе, из'явит готовность присоединиться к восточному пакту. В этом отношении многое будет зависеть и от того, какое влияние наряду с Францией и СССР окажет в Варшаве **Англия».**

В заключение **«Фюрербрифе»** указывает, что последствия, которые имело бы заключение восточного пакта, «делают само собой разумеющимся тот факт, что и **Япония не бездействует в Варшаве».**

Вывод, к которому приходит «Фюрербрифе», гласит: «При искусном использовании того ключевого положения, которое Польша занимает во всей дискуссии вокруг восточного пакта, для Польши нет никакой настоятельной необходимости соглашаться на решения, не соответствующие ее интересам».

На празднике в Тушино: групповой прыжок парашютистов с самолета.

На Средней Волге ослабла борьба с потерями.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ РЕЦЕПТЫ.

САМАРА, 18 августа. (**Корр. «Правды»**). Во все районы края шла из **Самары** тревожная радиограмма:

«Ожидаются переменные осадки при усиленных ветрах».

Крайком партии немедленно дал указания, *как сохранить хлеб при дождливой* погоде. Запретили оставлять несвязанным скошенный хлеб. Крайком партии и крайисполком требовали ликвидировать разрыв между косовицей и скирдованием.

Дожди могут нанести большой ущерб, так как в крае увеличивается количество скошенного хлеба в розвязи. За первую декаду августа количество несвязанного хлеба увеличилось с площади в 409 тыс. гектаров до 860 тыс. гектаров. Только 46 проц. скошенной площади заскирдовано. Крупнейшие районы Левобережья — **Илекский, Оренбургский, Покровский, Сарактащский** и другие — игнорируют вязку снопов. Поэтому после выпавших дождей скошенный хлеб, оставленный в розвязи и копнах, начал прорастать и гибнуть. Угроза гибели богатейшего урожая в ряде колхозов и совхозов велика.

Совершенно недопустимой является в этих условиях статья заведующего сельскохозяйственным отделом крайкома партии т. **Ксенофонтова,** *напечатанная 15 августа* в «Волжской коммуне».

«Нельзя, оставаясь людьми трезвыми и конкретными, — пишет т. Ксенофонтов, — забывать, что в ряде колхозов Орского района, Сарактащского, Оренбургского и других районов при всем нашем желании мы не можем обеспечить 100-процентную вязку скошенного хлеба».

Далее идет ссылка на чрезвычайное напряжение с рабочей силой. Надо, мол, считаться с неизбежностью розвязи. Где же выход? Автор рекомендует взамен вязки снопов складывать малые копны, размером не менее семи охапок-валков, при чем колосья должны быть положены обязательно внутрь копны и сверху прикрываться парой связанных снопов.

Статья демобилизует районные организации, сельсоветы и колхозы. Ссылаясь на напряженное положение с рабочей силой, отстающие районы (Орский и другие) будут попрежнему игнорировать вязку скошенного хлеба. Кроме того, чрезвычайно сомнительно, чтобы рецепт, рекомендованный т. Ксенофонтовым, предохранял хлеб от сырости и дождей. Дело в том, что новый метод копнения розвязи возможен при исключительно высоком качестве работы и потребует не меньше времени, чем вязка снопов, так как складывать валки внутрь колосьями можно лишь при тщательной ручной работе. Просушка розвязи, сложенной в малые копны, будет довольно длительной, не говоря уже о том, что эти копны следует при первой же возможности обмолачивать.

Возможно, что в отдельных конкретных случаях придется пойти на эту крайнюю меру, но рекомендовать повсеместно такое копнение розвязи взамен вязки по крайней мере легкомысленно.

Орский район, за интересы которого так ратует в своей статье тов. Ксенофонтов, на 10 августа скосил всего 8 проц. колосовых культур и не приступал еще к обмолоту.

Вместо того, чтобы истерически кричать о напряжении с рабочей силой, нужно было бы добиться правильного использования людей, машин, комбайнов. В этом причина отставания Орска в уборке, затяжки косовицы и больших потерь зерна.

КУРЕЙКО.

Безобразия на ссыпном пункте.

КИЕВ, 18 августа. (**Корр. «Правды»**). Сотни подвод и машин с хлебом собираются с раннего утра у ссыпного пункта на станции Цветково. Очередь растет. Прибывают новые подводы из окрестных сел — Марьяновки, Василькова, Водян и других. Колхозники выпрягают лошадей, засыпают им *корм и ложатся спать. Спешить некуда.* Каждая подвода простаивает часами у весов. Весовщик тоже не спешит. «Еще две—три подводы, — говорит он, — и больше принять хлеб некуда. Все равно придется вам обратно хлеб увозить».

Не впервые заведующему пунктом Богданову и приемщикам отправлять хлеб обратно в колхозы. Все склады переполнены до потолка. Уже засыпано 35 вагонов хлеба на платформы под открытым небом, и больше платформ для вновь прибывающего хлеба нет. О добавочных помещениях заведующий пунктом заблаговременно не позаботился.

На станции Шпола такая же картина. Прием хлеба организован безобразно. Подводы гоняют от одного склада к другому. Каждый склад по-своему устанавливает качество зерна. Подводы и машины колхозов села Искрины потратили целый день на сдачу хлеба из-за того, что их бесцельно перебрасывали из склада в склад.

Колхозников обслуживают плохо. «Культчайная» райпотребсоюза продает только щелок, нитки, стаканы. Чай подают без сахара. В чайной нет газет. Чайная работает только днем.

Охрана складов слаба.

ЗАБЫЛИ О ЗЕРНОУЛОВИТЕЛЯХ.

ИРКУТСК, 18 августа. (**Корр. «Правды»**). В Восточной Сибири—прекрасный урожай. В колхозах пшеница дает в среднем 11 центнеров с гектара, озимая рожь —12, яровая—9, овес—выше 10 центнеров с гектара.

Уборка идет медленно. На 10 августа было убрано только 8 тыс. гектаров. Хлеб быстро созревает. Если он не будет вовремя убран, созревшие хлеба начнут осыпаться на корню.

Явно недооценивается борьба с потерями. В крае забыли о зерноуловителях. Три четверти машин еще не имеют зерноуловителей. На полях остается огромное количество хлеба. В Казанке и Петровке, Дзержинского района, колосьев не подгребают. Потери достигают здесь 2 центнеров с гектара. В колхозе «Прожектор», Запаринской МТС, на квадратном метре остается 50 колосков.

ЛЕВИН.

ОВЛАДЕЕМ ВЫСОТАМИ САМОЛЕТОСТРОЕНИЯ.

Ударники-рабочие, инженеры, техники и конструкторы авиационных заводов Красной Пресни в рапорте на имя товарищей **Сталина, Кагановича, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе** и секретаря МГК ВКП(б) тов. **Хрущева** рассказывают об итогах своей упорной борьбы за высокую технику самолетостроения, которых они достигли под руководством нашей партии, ее ленинского ЦК во главе с товарищем **Сталиным,** непосредственно и беспрестанно руководящим вопросами развития нашей авиационной промышленности.

Авиационные заводы Красной Пресни из кустарных и полукустарных мастерских превратились в образцовые предприятия. В упорной борьбе заводы добились выполнения своих производственных программ как в количественном, так и в качественном отношениях. Заводы продолжают борьбу за высокую авиационную культуру, за освоение новейшей передовой техники самолетостроения.

В Краснопресненском районе находится дважды краснознаменный завод им. Менжинского. Имена конструкторов-ударников этого завода тт. Ильюшина, Поликарпова, Кочерыгина, Дубровского, Мальцева и др. знают на всех заводах и фабриках района. Имена таких передовых ударников авиопредприятий как тт. Тюрин, Нефедов, Булич, Гневашев (завод им. Менжинского); Черков, Чугунов, Смирнов, Филиппов, Борзенков (завод им. Авиахима); Авдеев, Васильев, Кошкин, Архипов (завод им. Постышева); Аркадьев, Гаркин, Леватный, Тупова (завод № 39),—являются для каждого рабочего Красной Пресни синонимом отличного качества и высоких темпов.

Показавшая прекрасное качество при спасении челюскинцев машина **«Р—5»** построена на Краснопресненском авиозаводе **им. Авиахима.** Гондола стратостата **«СССР—1»,** поднявшегося на высоту в 19 тыс. метров, *построена рабочими завода* **им. Менжинского.** Ударники завода **им. Постышева** освоили производство легких сплавов для самолетов облегченных конструкций. Выпускаемые этим заводом легкие сплавы по своим качествам и культуре не уступают алюминию и дюралюминию. Завод **им. Орджоникидзе** овладел производством новых металлических винтов, значительно увеличивающих скорость полета. На заводах Красной Пресни введены чрезвычайно важные конструкторские усовершенствования, обеспечивающие лучшую работу самолетов в воздухе.

В последнее время заводы Красной Пресни подготовили без отрыва от производства 530 парашютистов, 1000 планеристов, 90 летчиков и 500 авиомоделистов.

— Народный комиссар обороны тов. Ворошилов,—говорится в рапорте,—в прошлом году в своем письме рабочим и работникам авиопромышленности поставил ряд основных задач. В частности он потребовал, чтобы мы дали хорошую, изящную, крепко сделанную вещь. Он требовал, чтобы мы работали много лучше, упорнее, энергичнее, обязательно культурно и обязательно честно. Мы многого добились, но еще не выполнили всех задач, поставленных перед нами.

В день авиации авиозаводы Красной Пресни берут на себя обязательство—четкой, аккуратной и культурной работой выполнить все взятые на себя обязательства и снабдить наш воздушный флот лучшими в мире машинами.

Крылатые ораторы.

ХАРЬКОВ, 18 августа. (Корр. «Правды»). Над огромным зеленым «залом» заседания кружились самолеты. Один из них бросил вымпел с записочкой в президиум. Люди на самолетах участвовали в заседании, как и многие тысячи их товарищей, летчиков, планеристов, парашютистов, заполнивших вечером 17 августа все трибуны большого харьковского стадиона «Динамо». Здесь собрался накануне дня авиации торжественный пленум городского и районных советов совместно с партийными, профсоюзными, комсомольскими и осоавиахимовскими организациями.

Одни ораторы говорили с трибун, как обыкновенно, другие прыгали на полном ходу с самолетов; спустившись на парашюте к столу президиума, они рапортовали о проделанной работе и о своих достижениях.

170 тыс. человек насчитывает харьковский отряд Осоавиахима в своих рядах. 1.160 новых парашютистов подготовил он ко дню авиации. 6.500 человек в 118 кружках—целая армия юных авиоконструкторов.

Организовано 23 планерных и 40 авиомоторных кружков, в которых занимается 1.500 чел.

Утром 18 августа отряды этих замечательных ударников небес шли во главе рабочих колонн на аэродром демонстрировать свое искусство.

Одно звено самолетов проделывает сложнейшие фигуры порознь. Затем 3 самолета одновременно проделывают мертвые петли, поворот через крыло, безумно быстрый под'ем и спуск по вертикали, штопор и т. д.

В завершение два самолета под звуки оркестра исполнили прекрасный танец стальных птиц в небесах. Иначе, как танцем, это нельзя было назвать. То взвиваясь, то быстро снижаясь, они неотступно следовали один за другим, точно повторяя одни и те же движения.

—o—

Инсценировка воздушного нападения.

КИЕВ, 18 августа. (Корр. «Правды»). На стадионе «Динамо» вчера, накануне дня авиации, собрался торжественный пленум киевского горсовета. На правительственной трибуне — тт. **П. П. Любченко, Н. Н. Попов, Войцеховский, Дубовой** и др. Под бурные аплодисменты почетным председателем пленума был избран товарищ **Сталин**.

На стадионе состоялась также инсценировка воздушного нападения самолетов и обороны с земли.

* * *

День авиации отмечен на Украине открытием новых аэроклубов, парашютных вышек и авиомодельных кружков. Не отрываясь от производства, сотни рабочих и работниц изучают пилотное дело. Авиошколы Осоавиахима выпустили в этом году 95 пилотов. Сейчас в них обучается более 600 человек. За этот год научились прыгать с парашютами 3.773 человека, 6.669 рабочих и работниц сейчас обучаются в парашютных кружках. Свыше пяти с половиной тысяч человек обучается в планерных школах. Подготовлено около 1 тыс. авиомотористов.

—o—

«АИР-6» — В МОСКВЕ.

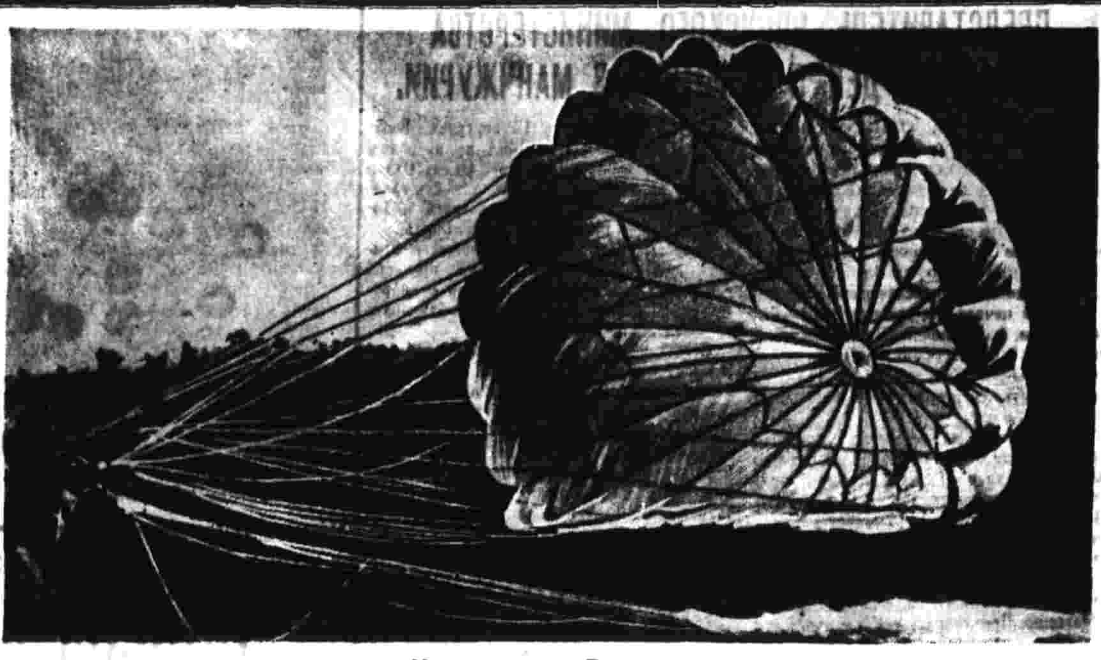
Правый пеленг — так называется строй, в котором звено легких самолетов «АИР-6» 5 августа вылетело из Москвы в далекий путь на Иркутск. Правый пеленг—в этом же строю вчера, в день авиации, воздушные «форды» опустились на триумфальном Тушинском аэродроме.

70 летных часов, 13 дней, 9.000 километров работали безотказно люди и машины. После тяжелых перелетов, дней, наполненных борьбой с ветром, грозами, шквалами, пилоты и бортмеханики шли на рабочие собрания, собирали возле машин людей, раз'ясняли, показывали.

За весь необычный для этих самолетов путь не было ни одной вынужденной посадки, в журнале командира не зарегистрировано ни одной поломки. Обратный путь от Иркутска до Москвы, несмотря на скверную погоду, был проделан всего в 4 дня.

Звено «АИР-6», посланное «Правдой» и Осоавиахимом, пронесло через всю страну идеи развития советской легкой авиации.

БОР. ГОРБАТОВ.

На празднике в Тушино.

АВИАТОРЫ И НЕ-АВИАТОРЫ.

Кажется, Парк культуры и отдыха преобразился. Авиация проникла во все уголки огромной территории. Здесь, у самого входа, переживают свое первое волнение парашютисты, прыгающие с высоты под ликующие возгласы импровизированной аудитории; там, на площадках парка, выставлены автожир и самолеты «Р-5», вызывающие у зрителей столько вопросов, что дежурные авиаторы не успевают давать свои обстоятельные об'яснения.

В городке науки и техники любопытство еще больше разгорается. Здесь понятие **«самолет, летать»** переведено на язык мельчайших деталей. Здесь собраны все виды моторов, модели всех типов самолетов от амфибии до гиганта «Максим Горький».

Десятки тысяч рабочих с семьями обходят парк, двигаются от одной выставки к другой, и, право, здесь трудно различить, кто авиатор и кто не-авиатор: все говорят об авиации, о самолетах, о летчиках. Очертания и достоинства самолета «Р-5», или мощь гиганта «Максим Горький», или высокие качества мотора «М-34» стали так же популярны и близки всем, как очертания «Авроры». И когда в 6 вечера над парком появляется грохочущий восемью моторами «Максим Горький», все праздничное народонаселение парка поднимает голову и застывает на несколько минут.

В восемь вечера Зеленый театр парка переполнился зрителями. Митинг открывает секретарь МК ВКП(б) тов. **Хрущев**.

Принимается предложение об избрании в почетный президиум Политбюро ЦК и т. Тельмана.

Потом начальник ВВС РККА тов. **Алкснис** говорит о мощи советской авиации:

— В нашей стране создана авиационная промышленность, которая способна выпускать самолеты всех типов. Мы построили большой сухопутный самолет, равного которому нет в мире. Мы имеем прекрасные летные кадры, мы имеем все возможности, чтобы летать дальше, быстрее и выше всей мировой авиации.

И когда Алкснис говорит о необходимости овладения авиационной культурой, призывает к организации кружков авиомоделистов в каждой школе, в каждом пионеротряде, весь зал рукоплещет ему.

— **Есть!** — отвечают тысячи голосов.

И это же большевистское **есть** приносит на митинг от имени рабочих авиационной промышленности и рабочих Москвы тов. **Персиц**. И об этом же большевистском **есть** говорят рабочие-ударники в приветствиях, посланных товарищам **Сталину, Кагановичу, Молотову, Ворошилову и Калинину**.

По сцене гигантского Зеленого театра, перед лицом двух десятков тысяч рабочих-ударников Москвы промчались мотоциклы, прошли отряды Осоавиахима, физкультурники, юные авиомоделисты. Над парком зажглись огни фейерверка.

3.500 ЛЕТНЫХ ЧАСОВ И НИ ОДНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ.

ВОРОНЕЖ, 18 августа. (Корр. «Правды»). Торжественное празднование дня авиации началось полетами и прыжками парашютистов. Один за другим взвивались самолеты в лазоревую высь и, описав небольшой круг над аэродромом, выключали моторы. Смельчаки-парашютисты появлялись на крыльях и стремглав бросались с самолетов.

На митинге председатель аэроклуба тов. Колесников рассказал об успехах Воронежского аэроклуба.

За два года своего существования клуб подготовил 64 летчика-пилота, 23 моториста, 90 планеристов. В нынешнем году летному делу обучается свыше 250 рабочих и работниц без отрыва от производства.

Крупнейшее достижение аэроклуба — полная безаварийность полетов. За два года начинающие пилоты налетали 3.500 летных часов и сделали до 20 тысяч посадок. За все это время не было **ни одного повреждения, ни одной вынужденной посадки.**

Воздушный парад авиационных соединений.

РОСТОВ-НА-ДОНУ, 18 августа. (Корр. «Правды»). С рассветом гонимые сильным ветром надвинулись на город густые облака. К 8 час. все небо покрылось темным покровом туч. Брызнул дождь. К счастью, сильный ветер вскоре разогнал тучи. Дождь прекратился.

Праздновать день авиации явилось на аэродром свыше 50 тыс. человек.

После краткой речи помощника командующего войсками Северокавказского военного округа по авиации т. Михайлова состоялся воздушный парад авиационных соединений. Зрители с напряженным вниманием и восхищением следили за высадкой десанта. Все участники его плавно приземлились на белых шелковых парашютах. Несмотря на сильный ветер, показ высшего пилотажа не был отменен. Мертвые петли, штопор и другие технически трудные и опасные виды военно-воздушной тактики были продемонстрированы в воздухе бесстрашными советскими летчиками. Праздник закончился традиционным катанием на самолетах лучших ударников предприятий.

ЛЕТЧИКИ-НАЦИОНАЛЫ.

ТАШКЕНТ, 18 августа. (Корр. «Правды»). Для Средней Азии с ее огромными пространствами, горными массивами, преодолеть которые может только самолет, день авиации является особенно радостным праздником. С раннего утра на аэропорт, где был назначен парад, шли демонстрации с пением, музыкой и знаменами. К началу парада собралось 30.000 трудящихся. С какой завистью они глядели на группу ударников, получивших билеты на право полета!

Ровными треугольниками в безукоризненном строю прошли звенья самолетов. Зритель стал «образованным», наперебой называли тип самолета, по одному взгляду определяли количество мест, число моторов. Внезапно из одного самолета посыпались черные точки. Еще через секунду развернулись разноцветные полукружья парашютов. Каждый из парашютистов раскрыл второй дополнительный парашют, небо расцвело белоснежными цветами.

С интересом наблюдали снизу за полетами трех лучших учеников национальной школы пилотов **Сулейманова, Исаакова, Зелетдинова**. Летчики блестяще проделали труднейшие фигуры высшего пилотажа.

—o—

Колхозный аэродром в Богородском районе.

ГОРЬКИЙ, 18 августа. (Корр. «Правды»). Необычайно торжественно и радостно прошел праздник авиации в колхозах Богородского района. Богородские колхозники и весь район первыми в крае закончили уборку и годовой план хлебопоставок. Тысячи колхозников вступили в день авиации в ряды Осоавиахима. Своими руками они построили колхозный аэродром, на котором сегодня встречали машины исполкомовской авиации.

Самолеты совершили несколько полетов с лучшими ударниками-колхозниками.

Прекрасно прошел праздник и в соседнем Городецком районе. Рабочие и колхозники передали сегодня построенный на их трудовые средства самолет «Городецкий колхозник».

—o—

ПЕРВЫЙ В ОБЛАСТИ КОЛХОЗНЫЙ АЭРОКЛУБ.

ЛЕНИНГРАД, 18 августа. (Корр. «Правды»). С большим под'емом прошло сегодня празднование дня авиации в районах Ленинградской области. 18 самолетов вылетели из Ленинграда в агитоблет по колхозам. В Череповце состоялось торжественное открытие планерной школы. В числе ее слушателей — колхозники и рабочие. Заложена первая в районе парашютная вышка. Огромное впечатление на колхозников произвел прыжок с парашютом, блестяще продемонстрированный ленинградской парашютисткой Федоровой. Около ста колхозников и рабочих получили «воздушное крещение».

В Лодейном Поле праздник ознаменовался вступлением 120 колхозников и железнодорожников в члены первого в области колхозного аэроклуба.

На повышенных скоростях.

АРТЕМОВСК, 18 августа. (Спец. корр. «Правды»). Сегодняшний день богат событиями. Стартовав утром из Ростова, машины дизельного пробега взяли самые повышенные скорости, поставив себе целью выйти из надвигавшихся дождей, которые в условиях проселочных дорог Донбасса означали бы серьезное препятствие для дальнейшего продвижения. Это удалось сделать. На отдельных участках мы шли со скоростью 50 километров в час.

Дизельмоторы получили нагрузку, небывалую за все время пробега. Венгерский «ганц» вышел из строя, расплавив подшипники. Таким образом мы лишились уже двух машин (первая — английский «кросслей»).

Германские «бюссинги» получили сегодня 50 штрафных очков из 100 возможных за смену головок и клапанов. Советские «коджу» держатся хорошо, ничем не уступая германскому «ман» и английскому «бирмору»—самым надежным машинам.

И. ЭЙСЛЕР.

ПОДГОТОВКА К СПАРТАКИАДЕ НАРОДОВ ВОСТОКА.

ТАШКЕНТ, 18 августа. (Корр. «Правды»). Подготовка к спартакиаде народов Востока охватила все республики Средней Азии. Помимо конноавтопробега, о котором сообщала «Правда», сейчас проходит велопробег Красноводск—Ташкент. В нем принимают участие 23 красноводских велосипедиста. Весь путь в 1.980 километров команда рассчитывает пройти на машинах Пензенского завода в 20 дней.

—o—

ПЕРВАЯ ПОЧТОВАЯ АВИОЛИНИЯ В БИРОБИДЖАНЕ.

БИРОБИДЖАН, 18 августа. (Корр. «Правды»). На территории Биробиджанской еврейской автономной области открылась первая почтово-пассажирская авиолиния Биробиджан—Блюхерово—Сталинск.

В распутицу корреспонденция доставлялась в эти районы через 2 недели, при хорошей погоде — через 4 дня. Сейчас почта приходит на конечный пункт через **3 часа**.

—o—

КРАСНОФЛОТЦЫ ЧИТАЮТ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПОДЛИННИКАХ.

СИМФЕРОПОЛЬ, 18 августа. (Корр. «Правды»). За последнее время значительно усилилось количество заявок в иностранный отдел библиотеки при Севастопольском доме Красной Армии и Флота на лучшие произведения мировой литературы в подлинниках. Уже сейчас в библиотеке есть солидная группа абонентов, читающих в подлинниках произведения Гейне, Диккенса, Бальзака, Золя, Дюма и др., что является ярким выражением быстрого роста культуры личного состава флота.

—o—

УСПЕХ ФИЛЬМА «ГРОЗА» НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КИНОВЫСТАВКЕ.

Главным управлением кино-фотопромышленности при СНК СССР получено письмо от советской делегации на международной киновыставке в Венеции (Италия). В письме сообщается, что на-днях на выставке состоялся показ советских художественных фильмов. Демонстрировали «Грозу».

Просмотр происходил в кино на острове Лидо. Помещение кинотеатра было набито доотказа. Публика смотрела фильм с затаенным дыханием.

По окончании просмотра стояла двухминутная тишина. Затем зал огласился «бурными аплодисментами и возгласами: «Молти бэне!» (очень хорошо). Представители международной прессы и руководители выставки поздравляли советскую делегацию.

КРАСНЫЕ КОМАНДИРЫ ОВЛАДЕВАЮТ АЛЬПИНИСТСКОЙ ТЕХНИКОЙ.

НОВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ РЕКОРД.

ОШ, 18 августа. (Спец. корр. ТАСС). Сегодня прибыл в лагерь похода на пик Ленина на высоте 420 метров. Красные командиры с рвением овладевают техникой альпинизма. Всем составом совершено восхождение в порядке учебы на высоту 5.850 метров, чем установлен новый всесоюзный рекорд массового восхождения на такую высоту.

Завтра выходим в шестидневный поход-разведку северных склонов Заалайского хребта на высоту 6.200 метров.

Все здоровы.

Нач. похода КРЫЛЕНКО.

—o—

ВСТРЕЧИ ТУРЕЦКИХ И УКРАИНСКИХ СПОРТСМЕНОВ.

КИЕВ, 18 августа. (Корр. «Правды»). Получив от своего правительства разрешение остаться в СССР еще на 10 дней, турецкая спортивная делегация во главе с Джевдед Керим-беем прибыла сегодня из Одессы в Киев. Гостей встречали представители всеукраинского и областного советов физкультуры, секретарь уполнаркоминдела т. Бреденко, представители ВОКС, «Динамо», облпрофсовета и др.

19 и 20 августа состоятся матчи Турция — Украина: 19-го — соревнования по борьбе и плаванию, 20 августа — футбольный матч.

—o—

ОТКРЫЛСЯ ТУРНИР ШАХМАТНЫХ МАСТЕРОВ СССР.

ЛЕНИНГРАД, 18 августа. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня в зале Государственной филармонии открылся турнир шахматных мастеров СССР с участием гроссмейстера **Эйве** и маэстро **Кмох**.

В первом туре гроссмейстер Эйве играл с Каном, Кмох с Рюминым, Юдович с Левенфишем, Чеховер с Рабиновичем, Романовский с Лисицыным, Ботвинник с Алаторцевым.

К 10 часам вечера закончили лишь партию Ботвинник и Алаторцев, которую Ботвинник на 19-м ходу выиграл.

Эйве в новоиндийской партии с Каном добился лучшего положения.

Кмох в голландской партии по дебюту получил некоторый перевес и к перерыву отложил партию в выигрышном для себя положении.

Романовский в выигрышном положении отложил партию с Лисицыным, Юдович в ничейном положении отложил партию с Левенфишем.

Выплавка металла за 16 августа (в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	31.000	28.500
Выплавлено.	28.871	26.499
% выполнения.	93,1	92,9

Готовый прокат за 16 августа (в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.000	18.057	90,3

Добыча угля по Союзу за 15 августа (в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
270.512	251.065	92,8

Добыча угля в Донбассе за 16 августа (в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
173.427	164.472	94,8

Добыча и сушка торфа на 15 августа (в тыс. тонн).

Добыто с начала сезона.	Высушено с начала сезона.	% от добытого торфа.
10.712,6	6.319,7	59,0

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 16 АВГУСТА.

ДОРОГИ.	Погружено. Вагонов.	Погружено. % выполнения плана.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Принято с соседних дорог.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Сдано соседним дорогам.	% обеспечения вагонами.
Западная (нач. т. Жуков)	2.033	98	110	108	101
М.-Бел.-Балт. (нач. т. Русанов)	1.441	98	117	114	125
Южная (нач. т. Зорин)	1.315	96	85	105	91
Октябрьская (нач. т. Синев)	2.502	87	113	106	113
Мурманская (нач. т. Ледник)	1.499	100	86	92	93
Омская (нач. т. Базулин)	844	119	83	90	109
Закавказская (нач. т. Резенцвейг)	1.858	105	94	93	110
Северокавказская (нач. т. Лившиц)	4.192	101	88	90	101
Окружная (нач. т. Петриковский)	352	101	93	96	112
Казанская (нач. т. Кучин)	2.758	97	92	91	103
Северная (нач. т. Амосов)	2.520	86	100	88	98
Донецкая (нач. т. Левченко)	6.930	83	101	84	94
Ряз.-Уральская (нач. т. [illegible])	1.517	100	89	85	102
Юго-Восточная (нач. т. [illegible])	2.787	86	99	83	97
Оренбургская (нач. т. Подшивалин)	384	92	74	94	93
Курская (нач. т. [illegible])	2.613	96	94	84	108
Юго-Западная (нач. т. [illegible])	3.038	91	91	80	97
Южно-Уральская (нач. т. [illegible])	1.565	87	98	84	105
Пермская (нач. т. Миронов)	2.172	80	84	86	96
Турксиб (нач. т. Четвергов)	219	88	58	85	81
Екатерининская (нач. т. Билик)	7.276	99	74	82	101
Сам.-Златоустовская (нач. т. Ковыякин)	1.162	87	78	79	106
Томская (нач. т. Дьяков)	2.953	91	66	68	92
Уссурийская (нач. т. Ламберг)	1.236	91	97	57	115
Восточносибирская (нач. т. Голышев)	752	93	72	61	106
Среднеазиатская (нач. т. Прокофьев)	994	95	82	61	133
Забайкальская (нач. т. Осипов)	Сведений нет.				
Погружено всего *)	56.862	92	—	—	103
Разгружено »	53.936				

ПОГРУЗКА ВАЖНЕЙШИХ ГРУЗОВ.

Уголь	215.548	тонн	93	проц. плана
Кокс	15.385	»	92	» »
Руда	72.933	»	112	» »
Флюсы	18.296	»	95	» »
Соль	13.504	»	94	» »
Металл	2.430	вагонов	106	» »
Хлеб	6.502	»	91	» »
Лес	5.197	»	91	» »
Нефтепродукты	5.509	»	103	» »

*) Вся работа по сети указана без Забайкальской дороги ввиду неимения сведений в НКПС.

КАМАНИН И АМАКАСУ.

Мальчику было четырнадцать лет.

По утрам он раскрывал книгу Мюллера «Моя система» и делал упражнения. Он тренировал мускулы для будущих полетов. В его голове уже сидела мечта об авиации. Откуда пришла мечта? Издалека. Из Лондона... Керзон пред'явил советской стране ультиматум. В Москве, в Ленинграде, всюду—гроза демонстраций и протестов. Брызги этой грозы залетели в Меленки, в школу второй ступени. В полутемном коридоре мальчик увидел на стене плакат: самолет, парящий в облаках. На крыльях призыв:

— Ответим на ультиматум Керзона усилением воздушного флота!

Мальчик слушал молча. Он достал из кармана серебряный полтинник, полученный от матери на завтраки, и отдал в пользу воздушного флота. Потом он стал жадно читать об авиации все, что попало в руки, и сознался своему другу:

— Хочу быть только летчиком!

Через два года он переделал в документах год рождения, чтобы скорее приняли в летную школу. И еще через два года юноша стоял на-вытяжку в штабе эскадрильи в Спасске, держал упругую руку у козырька и рапортовал командиру:

— Младший летчик **Каманин** прибыл в ваше распоряжение.

Из школы второй ступени вышел мечтатель, из летной школы—пилот, в эскадрилье формируется боец. Каков его облик? Кто они, красные военлеты—воздушная гвардия советской страны?

Конечно, на первом месте—техника. В авиации, как нигде, важно указание вождя:

— Техника решает все!

Чтобы овладеть техникой, Каманин провел в воздухе тысячу двести часов.

Однако если рассказать об отваге, находчивости и самоотверженности красных военлетов, об их несравненном летном искусстве, значит ли это рассказать все? Нет! Это значит только показать их силуэт и не раскрыть их душу. Надо еще рассказать о том, что после упражнений по бомбометанию Каманин усидчиво прорабатывает Маркса, Ленина, Сталина. Наряду с освоением ночных полетов он осваивает английский и немецкий языки. Он читает Шекспира, Гете, Бальзака. Он ежедневно проглатывает пять—шесть газет. Следит за событиями мира. Его жизнь насыщена большой идеей. В своей биографии он говорит:

— Мы знаем, что Япония готовится к нападению на нас, и изучаем ее со всех сторон. На правящую ныне в Японии буржуазно-помещичью клику я смотрю с возмущением. Как до сих пор там держится последняя гнилая монархия? Недавно я читал книгу ирландца О'Кнороя «Японская угроза» и физически ощущал средневековый мрак этой страны. У меня болит душа... Мне жаль трехлетних детей, продаваемых японскими крестьянами для уплаты аренды за землю. А десятилетние дети-рабы, проданные текстильным магнатам? Что может быть ужаснее... А десятки тысяч японских рабочих, заточенных в тюрьмы? А миллионы, обреченные на голод во имя хищного аппетита концернов? Если японские империалисты нападут на нас, мы будем их громить с сознанием, что бьем не только врагов нашей родины, но и врагов наших зарубежных братьев! Мы с малых лет впитали интернациональные чувства, как почва впитывает влагу.

Вот наш герой!

Ну, а их герой кто? Капитан Амакасу! В Японии он пожал такую же шумную славу, как у нас Каманин, спасший челюскинцев. Чем же прославился капитан Амакасу?

Он не летал в Арктику, не пересекал неизведанные хребты, никого не спасал. Его путь к славе—это путь в одну из тюрем города Токио. Во мраке тюремной камеры сидели старик Сакаэ Осуджи—школьный учитель, его жена и племянник—десятилетний мальчик. За что? Неизвестно! Какой-то шпион, оплачиваемый сдельно, донес полиции, что Сакаэ Осуджи, его жена и племянник питают «опасные мысли» к императору. Расторопная полиция бросила их в тюрьму, где они и сидели в недоумении. И вот к ним в камеру явился капитан Амакасу. На его лице—сама любезность. Он спрашивает старика:

— За что сидите?

— Ни за что!

— Я добьюсь для вас справедливости, не беспокойтесь!—сказал капитан Амакасу, похлопывая старика по плечу, и вдруг схватил его за горло. Когда старик перестал барахтаться, капитан Амакасу задушил старуху, а затем прикончил и мальчика. Он ушел, оставив в тюремной камере три посиневших трупа.

Как убийца, капитан Амакасу угодил в уголовную тюрьму. Но только этого и нехватало ему для славы. Патриотические газеты завыли:

«Капитан Амакасу — национальный герой. Он исполнил долг перед божественным императором!»

Со славой, с почестями капитан вышел из тюрьмы. Фашисты устраивали в его честь банкеты, как у нас для челюскинцев. И если вы теперь заглянете в штаб японской армии в Манчжурии, то увидите капитана Амакасу. У него высокий пост советника японской армии. По его «совету» сжигают китайские города и деревни, охваченные ненавистью к японским империалистам. Он ставит на колени тысячи китайцев, связанных веревкой, и расстреливает из пулемета. Вот их «герой»!

—

Зимняя ночь. Наш Дальний Восток спит под снежным пологом. Вдруг послышался протяжный, завывающий голос сирены: «Тревога!»

За две минуты Каманин успел перейти из теплой постели на аэродром, гудящий моторами. Через пять минут он поднялся с эскадрильей в воздух, имея приказ: «Ждать распоряжения по радио».

И вот идут наши стальные птицы к месту сбора, над стратегическим озером. На борту—полное боевое снаряжение, пулеметы, бомбы. Но через пять минут радио передает весть командира:

— Тревога пробная. Благодарю за точное исполнение приказа!

Если бы тревога была не пробной, в долинах рек, на горных перевалах, в заливах встретились бы летчик Каманин и капитан Амакасу. Наш герой, за которым могучая страна социализма, трудящиеся всех стран. И их герой, за которым идут шакалы из концернов Мицуи и Мицубиси, чтобы грабить наш Дальний Восток так, как они грабят Манчжурию.

Ясно, кто победит...

Г. КИШ.

Уполномоч. Главлита № В—93287. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Издат. № 743.